

**IV.** Прошение и. д. доцента Академии по кафедрѣ пастырскаго богословія съ аскетикой и гомилетики, кандидата богословія, *В. П. Виноградова*:

„Представляя при семъ въ печатномъ видѣ сочиненіе на тему: „Уставныя Чтенія. Историко-литургическое и гомилетическое изслѣдованіе. Выпускъ первый. Уставная регламентация и номенклатура Чтеній“,—прошу принять его на соисканіе степени магистра богословія и дать дѣлу надлежащее движеніе“.

**Опредѣлили:** Магистерскую диссертацию и. д. доцента Академии *В. П. Виноградова* передать для разсмотрѣнія и. д. доцента по кафедрѣ литургики священнику *И. В. Гумилевскому*.

**V.** Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академии о томъ, что вторымъ рецензентомъ магистерской диссертациі и. д. доцента *В. П. Виноградова* онъ назначаетъ члена Совѣта—ординарнаго профессора Академии по кафедрѣ греческаго языка *С. И. Соболевскаго*.

**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

**VI.** Отчетъ и. д. доцента Академии по кафедрѣ церковной археологіи, въ связи съ исторіей христіанскаго искусства, *Н. Д. Протасова*:

„Долгъ имѣю предложить вниманію Совѣта Академии краткій отчетъ о командировкѣ меня, въ качествѣ представителя Академии, на Археологическій съѣздъ членовъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, бывшій въ Москвѣ съ 25 по 30 мая с/г.

Настоящій съѣздъ былъ предваренъ закладкой 24 мая собственнаго зданія на Міусской площади въ присутствіи Великихъ Князей Петра Николаевича и Александра Михайловича, архіепископа Алексія, епископовъ Василія, Владиміра, представителей ученыхъ и учебныхъ учрежденій, архивныхъ комиссій и проч. Въ своей рѣчи Директоръ Института *А. И. Успенскій* отмѣтилъ щедрыхъ жертвователей—*С. П. Рябушинскаго*, княг. *Тенишеву*,—на средства которыхъ главнымъ образомъ и будетъ строиться заложенное зданіе.

25 мая въ присутствіи Великаго Князя Александра Михайловича былъ торжественно открытъ съѣздъ, имѣвшій свои засѣданія въ зданіи Медвѣдниковской гимназіи. Были образованы восемь секцій: секція русской исторіи подъ предсѣдательствомъ Управл. Архив. Минист. Юстиц. Д. В. Цвѣтаева, секція Русской литературы подъ предсѣдательствомъ Орд. Акад. А. И. Соболевскаго, секція исторіи искусствъ подъ предсѣдательствомъ проф. В. К. Мальберга, секція археологіи (первобытной) подъ предсѣдательствомъ В. А. Городцова, секція архивовѣднія подъ предсѣдательствомъ И. Ф. Колесникова, секція юридическихъ древностей подъ предсѣдательствомъ проф. В. Н. Шпряева, секція исторической географіи подъ предсѣдательствомъ С. К. Кузнецова, секція дипломатики подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Ардашева. Я участвовалъ въ засѣданіяхъ двухъ секцій: русской исторіи и исторіи искусствъ. Засѣданія происходили утромъ и вечеромъ и состояли въ выслушаніи докладовъ и разборѣ ихъ членами секцій. Темы докладовъ пріурочивались преимущественно къ юбилейному году. Изъ наиболѣе значительныхъ докладовъ можно отмѣтить слѣдующіе: Д. В. Цвѣтаева „Мотивы къ избранію Михаила Θεодоровича на царство“, проф. Ѳ. И. Титова „Царствующій домъ Романовыхъ въ отношеніи къ Кіеву“ (доложенъ проф. І. А. Бродовичемъ), Н. И. Троицкаго „Отношеніе Алексѣя Михайловича къ Тулѣ“, прот. Н. А. Скворцова „Книга объ избраніи на царство великаго Государя, царя и великаго князя Михаила Θεодоровича и ея археологическое значеніе“, Ф. В. Баллода „Головка египетской принцессы изъ коллекціи В. С. Голенищева“, Е. Г. Шмидтъ „Гончары и гончарное искусство въ Россіи“, Н. Е. Шмыткиной „О находкѣ античной геммы въ Москвѣ“, В. С. Воронова „Къ вопросу о чистомъ и прикладномъ искусствѣ“, Н. И. Ѳомина „Палеолитическое искусство въ связи съ послѣдними открытіями въ этой области“.

Въ преніяхъ по вопросамъ докладовъ выступалъ и я. Особенно подробно разборъ былъ подвергнутъ мною докладъ художника В. С. Воронова „Къ вопросу о чистомъ и прикладномъ искусствѣ“ и анализъ Н. Е. Шмыткиной найденной ею въ Москвѣ античной геммы, которую она относила къ III—II вв. до Р. X. и искусственно сопоставляла съ изображеніями Діониса.

Всѣхъ участниковъ съѣзда было 261. Выслушано было 72 доклада. Отъ имени съѣзда были вынесены пожеланія членами секціи дипломатики объ устройствѣ въ Москвѣ центрального Нотаріальнаго архива и измѣненія системы транскрипціи рукописнаго матеріала и членами исторической секціи о необходимости принятія мѣръ охраны древней (XII в.) Калужанской церкви въ Гроднѣ.

28 мая въ 5 часовъ состоялось общее засѣданіе въ зданіи 5-й мужской гимназіи на Поварской ул., гдѣ были выслушаны доклады инспектора гимназіи Н. Г. Тарасова о выставкѣ, устроенной учениками гимназіи послѣ экскурсіоннаго обзора памятниковъ Костромы, Ярославля и пр., и преподавателя оной гимназіи А. Ѳ. Гартвига „О графическомъ воспроизведеніи предметовъ старины“. По предложенію послѣдняго докладчика, съѣздъ вынесъ пожеланіе о принятіи Московскимъ Императорскимъ Археологическимъ Институтомъ въ свое вѣдѣніе изданія историческихъ атласовъ и наглядныхъ пособій. Далѣе, Я. А. Богатенко познакомилъ присутствующихъ съ „народными старообрядческими пѣснями и псалмами“, иллюстрировавъ свой докладъ посредствомъ хора.

29 мая послѣ осмотра Музея изящныхъ искусствъ состоялось заключительное общее засѣданіе. Послѣ него члены съѣзда подъ руководствомъ А. И. Успенскаго осматривали придѣлы, устроенные въ главахъ Московскаго Благовѣщенскаго собора, и всѣ церкви, помѣщающіяся въ Большомъ Кремлевскомъ дворцѣ. Въ заключеніе настоящаго краткаго отчета считаю долгомъ отмѣтить, что на съѣздѣ Духовная Академія были представлены—Казанская ординарнымъ профессоромъ В. А. Нарбековымъ, Московская—мною. Совершенно отсутствовали представители Петербургской и Кіевской Академій“.

**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

**VII.** Отношеніе Московскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Кирилло-Меѳодіевскаго Православнаго Братства, отъ 1 іюня за № 1658:

„Московскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, въслѣдствіе отношенія Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 28 мая сего года за № 2126, имѣеть долгъ препроводити

аттестать студента Московской Духовной Академіи *Андрея Шумъ* за № 381 и просить о полученіи онаго Совѣтъ увѣдомить“.

**Опредѣлили:** Увѣдомить Московскій Епархіальный Училищный Совѣтъ о полученіи присланнаго документа.

**VIII.** Отношеніе Г. Секретаря Юго-Славянской Академіи наукъ и искусствъ (въ Загребѣ), отъ 15 мая за № 112:

„На почтенное отношеніе отъ 25 апрѣля 1913 года честь имѣю отвѣтить, что управленіе Юго-Славянской Академіи, къ своему великому сожалѣнію, не можетъ рѣшиться выслать просимыя двѣ рукописи изъ своего архива въ славную духовную академію, такъ какъ обѣ рукописи очень объемисты, а между тѣмъ находятся въ очень ветхомъ состояніи, но что оно было бы очень радо предоставить г. Николаю Л. Туницкому рукописи для занятіи здѣсь, если бы онъ могъ пріѣхать сюда“.

**Опредѣлили:** Содержаніе отношенія сообщить (и сообщено) и. д. доцента Академіи Н. Л. Туницкому.

**IX.** Отношенія:

а) Императорскаго Московскаго и Румянцовскаго Музея, отъ 28 мая за № 795, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописнаго сборника Архимандрита Васіана за № 1267.

б) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 6 іюня за № 969, съ препровожденіемъ, на трехмѣсячный срокъ, рукописнаго „Сборника“ XVI вѣка за № 769 (1552).

**Справка:** Означенныя въ отношеніяхъ рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую бібліотеку.

**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

**X.** Представленіе *Библіотечной Коммисіи* отъ 4 іюня за № 1136:

„На основаніи § 215 Академическаго Устава Библіотечная Коммиссія имѣетъ честь просить Совѣтъ Академіи о разрѣшеніи выписать для академической бібліотеки изданія, зна-

чащіяся въ прилагаемыхъ при семь заявленіяхъ академическихъ преподавателей за № № 1056 и 1059 (Проф. С. И. Соболевскаго), 751 и 988 (Проф. С. С. Глаголева), 1054, 1137, 1138 и 1139 (Проф. И. В. Попова), 990 (Проф. С. И. Смирнова), 1055 (Проф. Д. И. Введенскаго), 358 (Проф. А. П. Орлова), 806, 807 и 808 (Проф. свящ. Д. В. Рождественскаго), 753, 803, 1125, 1126 и 1127 (Доцента Н. В. Лысогорскаго), 752, 986 и 987 (Доцента іерод. Иларіона), 989 и 1123 (И. д. доцента Н. Л. Туницкаго), 1057 (И. д. доцента Θ. М. Россейкина), 162, 1053 и 1124 (И. д. доцента свящ. П. А. Флоренскаго), 1011 и 1012 (И. д. доцента А. М. Туберовскаго), 786 (И. д. доцента В. П. Виноградова), 985 (И. д. доцента свящ. І. М. Смирнова), 984 (Лектора свящ. Н. А. Преображенскаго) и 1058 (Лектора Г. Я. Томсона).

**Опредѣлили:** Поручить бібліотекарю Академіи *К. М. Попову* выписать для академической бібліотеки означенныя въ заявленіяхъ г. г. профессоровъ и преподавателей Академіи изданія и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

#### **ХІ. Представленіе *Библіотечной Коммисіи:***

„Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Духовный Соборъ отношеніемъ отъ 18 Декабря 1912 г. за № 1843 предложилъ Совѣту Академіи для академической бібліотеки все рукописное собраніе Лаврской бібліотеки въ количествѣ 823 номеровъ и Совѣтъ Академіи въ собраніи своемъ отъ того же числа единогласно постановилъ принять это предложеніе. О семь постановленіи увѣдомленіе Духовному Собору Лавры послано было 21 декабря 1912 г. за № 724, но отвѣта изъ Духовнаго Собора доселѣ не послѣдовало и въ Академіи ничего неизвѣстно, въ какомъ положеніи находится дѣло о передачѣ рукописей. Въ настоящее время Библіотечная Коммисія, принимая во вниманіе съ одной стороны то, что производимая пристройка къ зданію академической бібліотеки открываетъ съ начала новаго учебнаго года возможность и прилично помѣстить Лаврскія рукописи и создать для занимающихся ими соответствующія удобства, съ другой стороны то, что съ начала учебнаго года, какъ показали опытъ предшествующихъ лѣтъ, послѣдуетъ большой спросъ на Лаврскія рукописи со стороны профессоровъ и студентовъ Ака-

деміи и перемѣщеніе Лаврскихъ рукописей въ академическую бібліотеку сразу устранило бы всѣ затрудненія, которыя создавалъ этотъ спросъ въ предшествующіе годы какъ для Духовнаго Собора и Библіотеки Лавры, такъ и для Канцеляріи и Библіотеки Академіи, находить желательнымъ повторить ходатайство предъ Духовнымъ Соборомъ о передачѣ рукописей. и, въ засѣданіи своемъ 4 іюня 1913 года, постановила просить Совѣтъ Академіи, не найдетъ ли онъ возможнымъ обратиться съ новымъ ходатайствомъ въ Духовный Соборъ Лавры“.

**Опредѣлили:** Соглашаясь съ мнѣніемъ Библіотечной Комиссіи и принимая во вниманіе, что вопросъ о передачѣ рукописей Свято-Троицкія Сергіевоы Лавры въ бібліотеку Академіи, по имѣющимся свѣдѣніямъ, представленъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода, почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство докладъ Библіотечной Комиссіи представить на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „3 іюля 1913. Исполнить“.

## 10 Іюня 1913 года.

№ 11.

**Присутствовали,** подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Θεодора, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи архимандритъ Анатолій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—С. С. Глаголевъ, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—С. И. Смирновъ, священникъ Е. А. Воронцовъ, Д. И. Введенскій, А. П. Орловъ, священникъ Д. В. Рождественскій и священникъ В. Н. Страховъ.

**Отсутствовали:** И. д. ординарнаго, заслуженный профессоръ А. П. Шостыиъ, ординарные профессора С. И. Соболевскій и М. М. Богословскій, экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ и И. В. Поповъ.

**Слушали:** 1. Представленіе *Пресвященнаго Ректора Академіи:*

„Согласно требованію § 83 Ак. Устава долгъ имѣю представить Совѣту Академіи для разсмотрѣнія *письменные отчеты г.г. преподавателей объ ихъ преподаваніи въ теченіе истекшаго 1912—1913 уч. года и свое заключеніе.*

Изъ разсмотрѣнія мною представленныхъ г.г. преподавателями отчетовъ о преподаваніи, а также программъ, представленныхъ въ началѣ учебнаго года, и классныхъ записей лекцій дежурными студентами могу заключить, что въ общемъ чтенія велись согласно принятымъ программамъ и только по нѣкоторымъ предметамъ не удалось г.г. преподавателямъ, вѣроятно по недостатку времени, выполнить все, что предполагалось сдѣлать по программѣ.

Такъ изъ отчета проф. И. В. Попова видно, что имъ не прочитано „по недостатку времени“ (по предмету Патрологіи) „о Таганѣ, Макаріи Египетскомъ и Амвросіи Медиоланскомъ“.

По кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта проф. Страховымъ не прочитано о кн. Дѣяній Св. Апостоловъ, какъ это предполагалось программой.

По русской гражданской исторіи не прочитано проф. Богословскимъ о Московскомъ государствѣ въ XVII в. и обзоръ реформъ Петра Великаго и событій царствованія Екатерины II.

По исторіи и обличенію русскаго сектантства и. д. доцента Айвазовымъ выполнена меньшая часть программы вслѣдствіе участія его въ судебныхъ процессахъ въ г. Владимірѣ и Твери въ теченіе 70 дней.

По исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій не прочитанъ отдѣлъ объ Англиканствѣ.

По русской церковной исторіи „за недостаткомъ времени не прочитаны нѣкоторые отдѣлы изъ исторіи монгольскаго періода“.

По исторіи раскола остался непрочитаннымъ отдѣлъ: „Исторія раскола въ XIX в.“.

По догматикѣ не прочитаны отдѣлы программы: VI Бытіе Божіе и доказательства его; VII Сущность и свойства Божія; VIII Догматъ тріединства.

По исторіи Греко-восточной церкви не пройденъ отдѣлъ о Византійскомъ монашествѣ и о современномъ состояніи Константинопольской церкви.

По библейской исторіи не прочитано о пророческомъ служеніи въ связи съ его исторіей.

По литургикѣ выполнена часть программы о богослуженіи апостольскаго періода.

По древней церковной исторіи не прочитанъ отдѣлъ программы: исторія монофизитства.

О прочитанномъ въ истекшемъ учебномъ году по предмету Педагогикѣ не могъ судить за непредставленіемъ проф. Шостынымъ отчета“.

**Опредѣлили:** 1) Принять къ свѣдѣнію.—2) Отчеты о преподаваніи внести въ свое время въ „Отчетъ о состояніи Императорской Московской Духовной Академіи въ 1912—1913 учебномъ году“. представляемый Святейшему Синоду.

## II. Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Вєхсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту табели балловъ по устнымъ и письменнымъ отвѣтамъ, а также и по поведенію, полученныхъ за истекшіи 1912—1913 учебный годъ студентами первыхъ трехъ курсовъ Академіи.—По предложенію Преосвященнаго Ректора повѣрка ихъ въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена была: табели I курса—и. д. доцента *іеромонахомъ Варволомеемъ (Ремовымъ)*, II курса—экстраординарнымъ профессоромъ *Д. И. Введенскимъ* и III курса—ординарнымъ профессоромъ *С. С. Глаголевымъ*“.

По разсмотрѣніи табелей оказалось, что:

1) Изъ 67 студентовъ I курса: а) 24 студента имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе  $4\frac{1}{2}$ , 34 студента—не менѣе 4 и 5 студентовъ—не менѣе  $3\frac{1}{2}$ . б) Поведеніе пятидесяти семи студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, девяти—балломъ 5—и одного—балломъ  $4\frac{1}{2}$ . в) Студенты священникъ *Ляде Серафимъ* и іеромонахъ *Серафимъ (Страховъ)* не держали устнаго испытанія по греческому языку. Изъ нихъ первому опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 20 марта с/г., съ утвержденія Его Высокопреосвященства, уже разрѣшено сдать означенное испытаніе послѣ лѣтнихъ каникулъ; о такомъ же разрѣшеніи просить нынѣ и іеромонахъ *Серафимъ (Страховъ)*. г) Черногорскій уроженецъ *Спасъ Поповичъ*, вызванный на время войны съ Турціей на родину.



не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ I курса, не представилъ также и письменныхъ работъ за 1912—1913 учебный годъ и нынѣ, по возвращеніи въ Академію, проситъ разрѣшенія сдать помянутыя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1913 года. д) Студентъ *Съто* Владиміръ, не державшій устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ I курса и не имѣющій балла на одномъ третномъ сочиненіи (по исторіи и обличенію западныхъ исповѣданій) по опредѣленію Правленія Академіи отъ 4 іюня с/г. уволенъ, согласно его прошенію, изъ числа студентовъ, для поступленія въ другую академію.

2) *Изъ 55 студентовъ II курса:* а) 17 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе  $4\frac{1}{2}$ , 30 студентовъ—не менѣе 4 и 5 студентовъ—не менѣе  $3\frac{1}{2}$ . б) Поведеніе пятидесяти двухъ студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, одного—балломъ 5—, одного—балломъ  $4\frac{1}{2}$  и одного—балломъ 4. в) Студенты *Загорскій* Александръ и *Орловъ* Антоній, по болѣзни: первый не представилъ третнаго сочиненія по патрологіи, второй—не держалъ устныхъ испытаній по всѣмъ предметамъ II курса; оба просятъ разрѣшенія исполнить эти обязанности послѣ лѣтнихъ каникулъ. г) Болгарскій уроженецъ *Стоянъ Пешковъ*, вызванный въ началѣ учебного года на родину по случаю войны съ Турціей, до сего времени въ Академію не возвратился и о судьбѣ его официальныхъ свѣдѣній не имѣется.

3) *Изъ 55 студентовъ III курса:* а) 20 студентовъ имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ и сочиненіямъ не менѣе  $4\frac{1}{2}$ , 29 студентовъ—не менѣе 4 и 5 студентовъ—не менѣе  $3\frac{1}{2}$ . б) Поведеніе сорока шести студентовъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5, восьми студентовъ—балломъ 5— и одного—балломъ  $4\frac{1}{2}$ . в) Студентъ *Берниковъ* Сергій, по болѣзни, не представилъ письменныхъ работъ за 1912—1913 учебный годъ и проситъ разрѣшенія подать ихъ послѣ лѣтнихъ каникулъ.

**Справка:** 1) Устава духовныхъ академій—

а) § 159: „По окончаніи переходныхъ испытаній составляется списокъ студентовъ каждаго курса по ихъ успѣхамъ

и дѣлается постановленіе о переводѣ студентовъ въ слѣдующіе курсы“.—

б) § 160: „При составленіи порядковаго списка принимаются во вниманіе не только устные отвѣты студентовъ на экзаменахъ, достоинство третнихъ сочиненій, проповѣдей и поведенія, но и успѣхи въ практическихъ занятіяхъ и на репетиціяхъ, которые отмѣчены балломъ въ годичномъ спискѣ преподавателя.“—

в) § 161: „Достоинство устныхъ отвѣтовъ на экзаменахъ и письменныхъ работъ отмѣчается баллами: 5—отлично, 4—хорошо, 3—удовлетворительно, 2—неудовлетворительно, 1—слабо.“—

г) § 162: „Студенты, оказавшіе въ теченіе года успѣхи по устнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ и по письменнымъ работамъ не ниже удовлетворительныхъ, переводятся на слѣдующіе курсы. Одинъ неудовлетворительный баллъ (2) на устномъ отвѣтѣ или на письменной работѣ не препятствуетъ переходу студента на слѣдующій курсъ, если въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по всѣмъ предметамъ онъ будетъ имѣть не менѣе 4. При двухъ и болѣе неудовлетворительныхъ и слабыхъ баллахъ (2 и 1) студентъ подлежитъ увольненію изъ Академіи: или оставляется, по усмотрѣнію Совѣта, на повторительный курсъ, съ лишеніемъ стипендіи, буде таковая была назначена: оставленіе студента на второй годъ въ томъ же курсѣ допускается только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи.—*Примѣчаніе.* Удовлетворительнымъ балломъ считается баллъ не ниже 3.“—

д) § 163: „Въ случаѣ болѣзни, студентъ можетъ быть оставленъ, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, на второй годъ въ томъ же курсѣ безъ лишенія стипендіи, но тоже только одинъ разъ за все время его пребыванія въ Академіи“.—

2) Указомъ Святейшаго Синода отъ 16 января 1891 года за № 212 Совѣту Академіи вмѣнено въ обязанность допускать студентамъ перенесеніе устныхъ экзаменовъ на послѣдканникулярное время только въ самыхъ уважительныхъ случаяхъ и не иначе, какъ съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія Его Высочайшаго Преосвященства.

3) По § 109. лит. а. пп. 13—14 академическаго устава „составленіе списковъ студентовъ послѣ испытаній, переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ и оставленіе на томъ же

курсъ“ значится въ числѣ дѣль, рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи и представляемыхъ для просмотра мѣстному Епархіальному Архіерею.

**Опредѣлили:** 1) Принимая во вниманіе сравнительное достоинство устныхъ отвѣтовъ студентовъ I, II и III курсовъ Академіи на экзаменахъ, успѣхи ихъ въ практическихъ занятіяхъ, достоинство третнихъ сочиненій и проповѣди и поведеніе,—перевести ихъ въ слѣдующіе курсы въ такомъ порядкѣ:

а) *Во II-й курсъ*—студентовъ перваго курса: 1) Соловьева Дмитрія, Кобранова Евгенія, Воронцова Веніамина, Ружницкаго Константина, 5) Иванова Бориса, Доброва Владиміра, Преображенскаго Александра, Волкова Александра, Розанова Николая, 10) Рудича Василія, Новосельскаго Владиміра, Мытарева Николая, Андреева Михаила, Товстуху Михаила, 15) Счастлива Петра, свящ. Дубровина Дмитрія, Піуновскаго Николая, Олейника Михаила, Давидова Ѳедора, 20) Никольскаго Виктора, Соколова Бориса, Меморскаго Алексѣя, Розова Григорія, Соловьева Ивана, 25) Саффрапа Георгія, свящ. Дмитріева Василія, Руднева Николая, Соколова Николая, Тихомірова Владиміра, 30) Порѣцкаго Михаила, Безроднаго Михаила, Андреева Ѳедора, Металлова Валентина, Монсеева Григорія, 35) Шувалова Петра, Щеголькова Михаила, Молчанова Николая, Шереметевскаго Алексѣя, Иванецкаго Владиміра, 40) Протодіаконова Александра, Бриллиантова Петра, Жданова Леонида, Кириченко Василія, свящ. Бѣляева Николая. 45) Батина Павла, Боголюбскаго Геннадія, Смирнова Николая, Смирнова Дмитрія, свящ. Ворончева Александра, 50) Верхоустинскаго Дмитрія, іерод. Павлина (Кропечкина). Васильевскаго Александра, свящ. Рождествина Александра. Постникова Михаила, 55) Виноградова Сергѣя, Некрасова Михаила, діак. Цвѣтаева Николая, Заболотскаго Павла, Аванасьева Николая, 60) Архангельскаго Константина, Авдіева Александра, свящ. Бѣлорукова Александра и 63) Истомина Дмитрія.—

б) *Во III-й курсъ*—студентовъ II курса: 1) Введенскаго Михаила, Бѣльчикова Николая, Драчева Николая, Колосова Сергѣя, 5) Вахаева Михаила, Щукина Александра, Ленчинскаго Ивана, Куханова Александра, Матвѣевича Виктора,

10) Пясецькаго Петра, Голубцова Михаила, Садовскаго Евгенія, іером. Варнаву (Бѣляева), Иванова Сергѣя, 15) Орлова Александра, Гераскевича Николая, Орлова Николая, Архипова Петра: свящ. Вышелѣскаго Константина, 20) Колчицкаго Николая, Прыткова Николая, Арбекова Евгенія. Сикова Максима, Троицкаго Николая, 25) свящ. Архангельскаго Іоанна, Соловьева Алексѣя, Десятова Александра, Никольскаго Григорія, Бѣляева Николая, 30) Дюльгерова Дмитрія, Покровскаго Гавріила, Цвинева Ивана, Петрова Сергѣя, Сапожникова Николая, 35) Покровскаго Сергѣя, Холмогорова Сергѣя, Крылова Григорія, Алферова Петра, Волскаго Харлампія, 40) Вознесенскаго Ѳедора, Херсонскаго Василя, Соколова Александра, Бажанова Василя, свящ. Делекторскаго Ѳеодора, 45) Аскалонова Стефана, Никольскаго Леонида, Любимова Александра. Пикунова Александра, Постникова Сергѣя, 50) Георгіевскаго Сергѣя, діак. Мещерскаго Константина и 52) Никольскаго Николая.—

в) Въ IV-курсѣ—студентовъ III курса: 1) Соколова Михаила (Моск.), Плотникова Александра, Подлуцкаго Ивана, Лебедева Николая, 5) Ярещенко Александра, Струмѣнскаго Михаила, іером. Герасима (Садковскаго), Виноградова Николая, Смоленскаго Алексѣя, 10) діак. Крылова Дмитрія, Лобова Гавріила, іерод. Нектарія (Иванова). Попова Тихона, Голобородько Михаила, 15) іером. Сергія (Дабича), Скворцова Константина, Волкова Бориса, Соколова Михаила (Внѣ.), Вознесенскаго Александра, 20) Синева Николая, іером. Іоанна (Маргіева), Паргачевскаго Алексѣя, Нечаева Тихона, Лебедева Александра, 25) Ярошевича Евгенія. Дьякова Святослава, Орлова Василя, Устинова Павла, Глаголева Николая, 30) Сергіевскаго Николая, Оглоблина Аркадія, Василевскаго Ивана, Лобанова Василя, Бѣляева Тихона, 35) Залѣскаго Сергѣя, Ключарева Василя, Тихомірова Александра, Соболева Василя, Козырева Сергѣя, 40) Кузнецова Павла, Доброва Георгія, іером. Максима (Руберовскаго), Цуйманова Александра, Лилеева Константина, 45) Введенскаго Пантелеимона, Величкина Алексѣя, Четыркина Ивана, Пятикрестовскаго Сергѣя, Тихомірова Константина, 50) Богоявленскаго Николая, Кронтовскаго Николая, діак. Левковскаго Александра, Зыкова Вячеслава и 54) Авраменко Михаила.—

2) Студента II курса, болгарскаго уроженца, Стояна *Петкова* оставить въ томъ же курсѣ на второй годъ.

3) Студентамъ: III курса—*Берникову* Сергѣю, II курса—*Загорскому* Александру и *Орлову* Антонію, I курса—*иеромонаху Серафиму* (Страхову) и *Поповичу* Спасу, черногорскому уроженцу, разрѣшить сдать устныя испытанія и представить письменныя работы послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ августѣ мѣсяцѣ сего 1913 года,—о чемъ и представить предварительно на Архипастырское утверждение Его Высокопреосвященства.

III. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Всехсвятскаго*:

„Честь имѣю представить Совѣту Академіи вѣдомость объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ настоящаго IV курса за всѣ четыре года академическаго образованія.—По предложенію Преосвященнаго Ректора, повѣрка вѣдомости въ отношеніи точности подсчета и вывода средняго балла произведена доцентомъ Академіи *Иеромонахомъ Илариономъ* (Троицкимъ)“.—

По разсмотрѣніи вѣдомости оказалось, что изъ 56 студентовъ IV курса—

1) 27 студентовъ (изъ выдержавшихъ испытанія по всемъ предметамъ академическаго курса и представившихъ курсовыя сочиненія) имѣютъ въ среднемъ выводѣ изъ балловъ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за весь курсъ не менѣе 4<sup>1/2</sup> и 27 студентовъ—не менѣе 3<sup>1/2</sup>. 2) Два студента—*Годеновскій* Василий и *Рождественскій* Сергѣй—не успѣли, по болѣзни, удостовѣренной академическимъ врачомъ, закончить курсовыхъ сочиненій и просятъ разрѣшенія представить оныя послѣ лѣтнихъ каникулъ.—3) Поведеніе сорока семи студентовъ IV курса за 1912—1913 учебный годъ отмѣчено въ инспекторскихъ вѣдомостяхъ балломъ 5 и девяти студентовъ—балломъ 5—.

б) Отзывы профессоровъ и преподавателей Академіи о курсовыхъ сочиненіяхъ 54-хъ студентовъ IV (LXVIII) курса:

1) О сочиненіи студента *Аболонскаго* Александра на тему: „Религіозно-философскія воззрѣнія Алексѣя Степановича Хомякова“.

а) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе г. Аболенскаго (X+242+VIII стр.) написано по ясному и отчетливому плану и излагаетъ воззрѣнія Хомякова просто и правильно.

Въ своемъ предисловіи авторъ старается *оправдать* свою работу. Это оправданіе могло бы имѣть *raison d'être*, если бы авторъ ее напечаталъ, т. е. призналъ бы ее полезною для публики, но въ своемъ настоящемъ видѣ сочиненіе автора является работою для себя, для своего образованія, и думаю, никто не станетъ оспаривать, что для православнаго богослова изученіе воззрѣній Хомякова есть дѣло полезное.

За предисловіемъ авторъ даетъ введеніе, въ которомъ выясняетъ, что понимается и что должно пониматься подъ славянофильствомъ. Самое сочиненіе распадается у автора на двѣ части. Въ первой онъ говоритъ о философскихъ принципахъ Хомякова, излагаетъ его теорію познанія, его ученіе о Богѣ и о церкви, какъ о тѣлѣ Христовомъ. Во второй части онъ ставитъ и хочетъ рѣшить вопросъ о тѣхъ факторахъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ образовалось міровоззрѣніе Хомякова. Онъ говоритъ объ идейной атмосферѣ, окружавшей Хомякова, и о его личныхъ особенностяхъ, и изъ взаимоотношенія среды и личности истолковываетъ ученіе главы славянофиловъ.

Непонятнымъ представляется, почему авторъ изложеніе ученія Хомякова о церкви кончаетъ его „философскою стороною“ и считаетъ себя обязаннымъ здѣсь поставить точку (см. 147 стр.): тема автора обѣщаетъ читателю трактатъ не о философскихъ только, а о религіозно-философскихъ воззрѣніяхъ Хомякова.

Во второй части, пообѣщавъ сказать о личныхъ особенностяхъ Хомякова, авторъ на самомъ дѣлѣ главнымъ образомъ говоритъ о средѣ, въ которой родился и жилъ Хомяковъ и которая дала ему на всю жизнь вѣрованія и убѣжденія. А подъ идейною атмосферою нужно разумѣть философію Гегеля и Шеллинга, увлекавшую представителей мысли той эпохи.

Не смотря на то, что сочиненіе автора невелико (страницъ 100 печатныхъ шрифта „Богословскаго Вѣстника“), онъ допускаетъ неоднократныя повторенія (см. стр. 36, 46, 204).

Есть у автора положенія непонятныя и есть положенія ошибочныя. Авторъ, повидимому, готовъ признать велѣдъ за

Хомяковымъ (стр. 38), что протестантизмъ есть законное чадо католицизма. Какъ понять это? Такъ, вѣдь, пожалуй можно сказать, что и расколъ есть законное чадо православія. Однако писаніе говоритъ: „они вышли отъ насъ, но не были наши“ (I Иоан. 2, 19). Ошибочно утверждаетъ г. Аболенскій, что Хомяковъ въ своей гносеологіи выдвинулъ „новую, дотолѣ не обращающую на себя вниманія силу—волю“ (46 стр.). На самомъ дѣлѣ уже Декартъ ясно и обстоятельно рассуждалъ объ участіи воли въ актахъ познанія. А Шеллингъ далъ Хомякову чрезвычайно обильный матеріалъ для разсужденій о волѣ.

Есть у автора нѣкоторые промахи въ изложеніи, вслѣдствіе которыхъ на 70-хъ и 80-хъ страницахъ его „я“ можно смѣшать съ „я“ Хомякова, а на 89 стр. Иринея Ліонскаго можно смѣшать съ Іоанномъ Богословомъ и счесть послѣдняго за ученика Поликарпа.

Оцѣнка авторомъ нѣкоторыхъ сочиненій является очень спорною (прекрасная—?—статья М. Филиппова, стр. 166).

Авторъ далъ слишкомъ общій очеркъ воззрѣній Хомякова. Желательно было бы болѣе обстоятельное изложеніе теорій Хомякова и болѣе глубокій ихъ анализъ.

Безспорнымъ достоинствомъ сочиненія является то, что въ немъ въ простой и понятной формѣ излагаются метафизическія теоріи, которыя по справедливости считаются трудно понимаемыми.

Для полученія степени кандидата сочиненіе удовлетворительно“.

б) Доцента іеродиакона *Иларіона (Троицкаго)*:

„Сочиненіе студента А. Аболенскаго посвящено изложенію и изслѣдованію религіозно-философскихъ воззрѣній А. С. Хомякова. Высказавъ и обосновавъ въ предисловіи (стр. 1—18) мысль, что исходнымъ пунктомъ міровоззрѣнія Хомякова слѣдуетъ считать религію, а не узкій націонализмъ, какъ утверждалъ В. С. Соловьевъ о славянофилахъ, авторъ первую часть своего сочиненія и посвящаетъ изложенію религіозно-философскихъ взглядовъ Хомякова, говорить объ его философскихъ принципахъ (стр. 23—61), излагаетъ его ученіе о Сущемъ въ Себѣ Самомъ и въ его отношеніи къ міру и человѣку (стр. 63—130) и о Церкви, какъ

о тѣлѣ Христовомъ (131—147). Щедро надѣленный разнообразными талантами А. С. Хомяковъ не оставилъ стройно изложенной системы своихъ воззрѣній. Блестки его сильной и оригинальной мысли разсѣяны по многочисленнымъ сочиненіямъ, имѣвшимъ нерѣдко случайные поводы для своего появленія, по статьямъ и по письмамъ. Собрать всѣ эти мысли и представить въ стройномъ и сжатомъ изложеніи, какъ это сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи г. Аболенскій, не легко. Внимательно нужно было читать и перечитывать сочиненія Хомякова, чтобы нерѣдко изъ какого-либо примѣчанія выудить ту или другую важную и характерную мысль. О Хомяковѣ и славянофилахъ писано не мало,—цѣлыя тысячи страницъ, даже въ Академіяхъ писаны докторскія диссертации. Богатая литература предмета достаточно извѣстна г. Аболенскому, но при написаніи своего сочиненія предъ глазами онъ держалъ не пособія, а источникъ—сочиненія А. С. Хомякова. Эти сочиненія изучены имъ тщательно и изложеніе воззрѣній Хомякова всецѣло дается на основаніи его сочиненій, даже его собственными словами. Длинныхъ выписокъ изъ Хомякова въ сочиненіи мало, за то краткихъ по нѣскольку на каждой страницѣ. Вообще объ авторскомъ изложеніи Хомякова слѣдуетъ сказать, что оно сдѣлано хорошо; можно пожелать развѣ только большей обстоятельности и подробности. Въ авторскомъ сжатомъ изложеніи иногда лишь легкими намеками отмѣчены оригинальныя идеи Хомякова, имъ самимъ раскрытыя болѣе подробно. Напр., на стр. 38 излагается мнѣніе Хомякова о томъ, что рационализмъ возникъ изъ начала кушитскаго (кушитскаго, конечно!), начала необходимости, а затѣмъ перешелъ въ католичество и протестантство. Но во всемъ сочиненіи ни слова не сказано про теорію Хомякова касательно противоположности кушитскаго и иранскаго. А. С. Хомяковъ указывалъ, если можно такъ сказать, гносеологическую основу отдѣленія запада отъ Церкви, а потому его сужденія о западныхъ исповѣданіяхъ тѣсно связаны съ его гносеологіей. Значеніе идеи Церкви для гносеологіи Хомякова авторомъ отмѣчено (стр. 145). „Любовь обезпечиваетъ за людьми познаніе безусловной истины“ и она же „естъ вѣнецъ и слава Церкви“. Совершенно напрасно утверждаетъ авторъ, будто „здѣсь кончается философская сторона ученія Хомякова о



Церкви и совершается переходъ изъ области умозрѣнія и философскихъ принциповъ въ область чистой христіанской догматики“ (стр. 147). Философскій интересъ имѣютъ сужденія Хомякова и о западныхъ исповѣданіяхъ. Въдѣ по Хомякову отпаденіе отъ Церкви есть нарушеніе братской любви, „нравственное братоубійство“, отсюда рационализмъ, потеря живой истины и „кризисъ западной философіи“. Авторъ объ этомъ не говоритъ ничего. Излагая ученіе о Церкви, онъ преждевременно поставилъ точку.

Вторая часть сочиненія г. Аболенскаго (стр. 149 — 230) представляетъ „опытъ выясненія генезиса основныхъ принциповъ и положеній религіозно-философской системы А. С. Хомякова“. Относительно этой части слѣдуетъ отмѣтить, что въ ней авторъ обнаружилъ хорошее знакомство съ лучшими и новѣйшими трудами по исторіи русской литературы и русской мысли вообще. Эта освѣдомленность автора даетъ себя чувствовать на каждой страницѣ его чрезвычайно сжатаго въ этомъ случаѣ изложенія. Взято главное, яркое, характерное, интересное по мысли и языку. Вслѣдствіе этого вторая часть читается съ большимъ интересомъ. Однако вся постановка дѣла во второй части способна вызвать противъ себя серьезныя возраженія. Глава первая этой части (стр. 154—207) озаглавлена: „Идейная атмосфера, современная Хомякову, какъ источникъ исходныхъ пунктовъ его религіозно-философскихъ воззрѣній“. Глава вторая (стр. 209—230)— „Личныя особенности А. С. Хомякова, какъ исходный пунктъ его религіозно-философскихъ воззрѣній вообще и въ особенности его ученія о Церкви“. Такимъ образомъ, у автора получается „источникъ исходныхъ пунктовъ“ и просто „исходный пунктъ“. Первое — „идейная атмосфера“; второе — „личныя особенности А. С. Хомякова“. Напрашивается выводъ: по мнѣнію г. Аболенскаго, идейная атмосфера была источникомъ личныхъ особенностей А. С. Хомякова. На самомъ же дѣлѣ вся первая глава имѣетъ цѣлью доказать, что идейная атмосфера какъ разъ и не была „источникомъ исходныхъ пунктовъ“ Хомяковскихъ воззрѣній. „Въ своей существенной части система Хомякова должна быть названа системой самобытной“ (стр. 207). „Идейная атмосфера положила на систему его воззрѣній“ лишь „довольно отчетливый слѣдъ“, „больше лишь на форму, чѣмъ на существо

ея“ (стр. 209). „Эта система не представляет собою сколокъ или продолженіе чего-либо стараго, но является самостоятельнымъ твореніемъ нашего мыслителя, а это старое входитъ въ нее лишь какъ часть, какъ необходимый своего рода матеріаль для возведенія новаго зданія по оригинальному рисунку“ (стр. 210). Думается, что послѣднее сравненіе не совсѣмъ удачно. Сказать про философскую систему, что въ ней матеріаль старый, но оригинальный рисунокъ построенія, не значить ли это противорѣчить сказанному всего одной строчкой выше о „самостоятельномъ твореніи мыслителя“? Остается нерѣшеннымъ вопросъ: что же, старое дало для системы Хомякова матеріаль или только наложило на нее отчетливый слѣдъ и она осталась самобытною? Затѣмъ, если говорить о самобытности Хомякова, то необходимо нужно сравнить его не съ идейными врагами, а съ идейными друзьями, съ другими славянофилами, чего авторъ въ достаточной мѣрѣ не сдѣлалъ. Кромѣ того, отъ чтенія первой главы второй части получается впечатлѣніе, что „идейная атмосфера“ въ изложеніи автора къ Хомякову отношенія не имѣетъ. Въ самомъ дѣлѣ, что находимъ мы у автора? Авторъ ведетъ читателя во вторую половину 18 вѣка, во Францію, упоминаетъ о „великой“ французской революціи (стр. 155 сл.), переходитъ къ романтизму (стр. 158 слл.) на Западъ, къ Шеллингу и, наконецъ, является (на стр. 162) въ Россію, о которой сообщаетъ слѣдующее. „Въ 1802 году проф. Военно-Медицинской Академіи Д. М. Велланскій былъ командированъ за границу“ (стр. 162). Слѣдуютъ отрывки изъ его писемъ, говорится объ его вліяніи на студентовъ по воспоминаніямъ Н. И. Розанова (Русскій Вѣстникъ, 1867 г.) и преподавателя энциклопедіи медицины Theodor'a von Stürmer'a (стр. 163 слл.). Дальше слова Одоевскаго о Шеллингѣ въ Россіи (стр. 165 сл.), о русскихъ переводахъ Канта (стр. 167). Начинаются событія чисто русскія. Пишется объ Екатеринѣ II, о ссылкѣ Радишева, о заточеніи Новикова (стр. 168); опять идутъ воспоминанія кн. Одоевскаго (стр. 170), словами Кошелева характеризуется „кружокъ любомудровъ“ (стр. 172). Наконецъ, на стр. 176 впервые встрѣчаемъ Хомякова, но сейчас же авторъ заговариваетъ про кружки Герцена и Станкевича, про „молодого артиллерійскаго поручика“ М. Бакунина, про переходъ къ Гегелю въ русской

мысли (стр. 177—182). Все это, наконецъ, завершается заявленіемъ, что Хомяковъ сталъ въ отрицательное отношеніе къ философіи Гегеля (стр. 182) и дальше идетъ рѣчь уже о Хомяковѣ. Итакъ, на стр. 154 — 182 у автора поразительный калейдоскопъ лицъ, событій, идей. Всего этого много, но обо всемъ этомъ немного и гегенезиса-то системы Хомякова какъ-то вовсе не замѣтно. Авторъ слѣдуетъ новымъ историкамъ новѣйшей литературы, которые о чемъ-бы ни писали, начинаютъ непременно съ „великой“ французской революціи, будто это было какое-то законодательство вродѣ Синайскаго. Но почему бы автору не начать слѣдить за русской идейной атмосферой со временъ Петра I-го, съ Владимира Святаго, съ Гостомысла? Для гегенезиса системы Хомякова многіе изъ упомянутыхъ авторомъ фактовъ никакого отношенія не имѣютъ, да и вообще на 25 стр. дать исторію европейской и русской мысли почти за столѣтіе—предпріятіе довольно смѣлое. Впрочемъ, все сказанное ничуть не колеблетъ того безспорнаго факта, что на этихъ же страницахъ литературно-философская начитанность автора является въ самомъ выгодномъ свѣтѣ.

Обращаетъ на себя вниманіе еще то, что авторъ почти не даетъ критической оцѣнки религіозно-философской системы Хомякова. Лишь нѣкоторые частные пункты этой послѣдней нашли оцѣнку въ сочиненіи г. Аболенскаго. Прекрасныя и мѣткія критическія замѣчанія дѣлаеть, напр., авторъ касательно Хомяковскаго пониманія первороднаго грѣха (стр. 117 слл.). Не менѣе хороши разсужденія автора о рационализмѣ Хомякова (стр. 218 слл.). Но, думается, богословское образованіе автора налагало на него долгъ критически отнестись къ богословствованію Хомякова. Современники отмѣчали, да и самъ Хомяковъ чувствовалъ въ своихъ разсужденіяхъ „что-то протестантское“, но у него можно находить нѣчто и католическое. Авторъ, напр., не разъ повторяетъ о Хомяковѣ Самаринское: „жилъ въ Церкви“ (стр. 214, 225), но не замѣтилъ ли онъ, что основной нервъ этой жизни, идея спасенія чрезъ воплощеніе Бога понималась Хомяковымъ превратно въ видѣ искупленія, освобожденія отъ „неумолимой логики мірозданія“?

\* Можно отмѣтить и еще нѣкоторые мелкіе промахи. Нѣкоторая статья нѣкоего Филиппова названа прекрасной (стр. 166).

но единственная мысль, которую изъ этой статьи приводит г. Аболенскій, онъ самъ же основательно здѣсь же опровергаетъ.

На стр. 193 читаемъ: „Хомяковъ хорошо былъ знакомъ съ философій Шеллинга, что ясно слѣдуетъ уже изъ факта его близкаго знакомства съ И. В. Кирѣевскимъ“. Но дальше слѣдуютъ факты, которые о знаніи Хомяковымъ Шеллинга свидѣтельствуютъ несравненно болѣе убѣдительно, нежели знакомство съ Кирѣевскимъ.

Почему авторъ увѣренъ, что тѣ или другія соображенія „не приходили на умъ“ Гегелю (стр. 33)? Орфографическихъ ошибокъ въ сочиненіи несчетное множество. Этого обстоятельства рецензентъ вмѣнять въ вину автору не думаетъ; переписка—машинная, чужая. Но ошибки есть и въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя вписаны авторомъ собственноручно. Онъ пишетъ: „a'rgiori“ (къ чему тутъ апострофъ?), „a postrior'ное“ (стр. 186—187), приводитъ какой-то будто латинскій глаголъ „grarior“ (стр. 77—gradior, конечно!).

Всѣ сдѣланныя замѣчанія и возраженія все же не колеблютъ нашего общаго благопріятнаго мнѣнія о работѣ г. Аболенскаго. Въ основѣ сочиненія лежитъ тщательное изученіе сочиненій Хомякова и большой литературы не только о немъ, но и вообще о судьбахъ русской мысли за половину XIX-го вѣка. Сочиненіе содержательное, сжатое и стройное и свидѣтельствуетъ о матеріальной и формальной образованности автора. Въ качествѣ кандидатской работы сочиненіе г. Аболенскаго заслуживаетъ похвалы и степени кандидата богословія онъ вполне достоинъ“.

2) О сочиненіи студента *Августова Дмитрія* на тему: „Изъ исторіи Московской Духовной Академіи. Отношеніе Митрополита Московскаго Филарета къ Московской Духовной Академіи“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Сочиненіе студента *Августова* вызвано интересомъ къ исторіи Академіи, который возбуждается приближающимся юбилеемъ этой школы (1 окт. 1914 г.). Авторъ поставилъ себѣ задачей характеризовать отношеніе къ Академіи митрополита Московскаго Филарета. Знаменитому архипастырю.

бывшему въ началѣ XIX вѣка членомъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ, Академія въ значительной мѣрѣ обязана своимъ возникновеніемъ въ видѣ донинѣ существующей высшей духовной школы, такъ какъ его перу принадлежитъ представленный весной 1814 г. въ Комиссію Духовныхъ Училищъ проектъ „о преобразованіи Московской Духовной Академіи“. На него же по учрежденіи Академіи четыре раза возлагалась въ 1815—21 г.г. производство ревизіи Академіи. Наконецъ, занявъ въ 1821 г. Московскую кафедру, Филаретъ до самой кончины втеченіе сорока шести лѣтъ былъ высшимъ руководителемъ Академіи. Его отношеніе къ Академіи не ограничивалось только *надзоромъ*; это было руководство и управленіе въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова; митрополитъ вникалъ въ мельчайшія детали учебной, ученой и хозяйственной жизни Академіи, и непосредственная администрація послѣдней имѣла значеніе лишь исполнительнаго органа, осуществлявшаго строгія и точныя распоряженія владыки.

Г. Августовъ собралъ значительный матеріалъ для характеристики вышеуказанной дѣятельности митрополита Филарета, какъ печатный, заключающійся въ мнѣніяхъ, перепискѣ самого митрополита и въ воспоминаніяхъ о немъ питомцевъ Академіи, такъ и неизданный, извлеченный въ Архивныхъ дѣлахъ Академіи. Нельзя думать, конечно, чтобы авторъ исчерпалъ все документы, касающіеся поставленной имъ задачи; но все же надо признать, что она имъ рѣшена достаточно. Образъ достопамятнаго іерарха начертанъ живо, и работа читается съ большимъ интересомъ. Многія приведенныя авторомъ мысли Филарета и теперь могли бы служить руководящими указаніями для высшей школы. Излишне было, по нашему мнѣнію, приводить хотя и краткую біографію митрополита Филарета: ее можно было предполагать известной. На стр. 13 авторъ напрасно упрекаетъ Сперанскаго въ „пристрастіи къ словеснымъ наукамъ“, результатомъ котораго будто бы была односторонность въ составленномъ Сперанскимъ проектѣ академическаго устава. Сперанскій въ бытность студентомъ Петербургской Главной Семинаріи отличался любовью къ математикѣ, а затѣмъ былъ въ той же семинаріи профессоромъ математики, физики и краснорѣчія. Характеристику дарованій митрополита Филарета на стр. 28

мы находимъ неясной: непонятна напр. условная форма фразы: Филареть—„могъ отдаться всецѣло ораторству—изъ него вышель бы выдающійся витія“. Филареть и былъ въ дѣйствительности однимъ изъ величайшихъ церковныхъ ораторовъ, мало того.—его рѣчи, помимо ихъ церковнаго значенія,—одинъ изъ лучшихъ памятниковъ изяшнаго, точнаго и тонкаго русскаго языка. Можетъ быть слишкомъ идиллистична характеристика быта и правовъ Академіи въ первую четверть ея существованія, данная на стр. 45—50. Степени кандидата сочиненіе вполне заслуживаетъ“.

б) И. д. доцента *Н. Д. Протогорова*:

„Каждому рецензенту пріятно бываетъ читать такое сочиненіе, авторъ котораго самъ подчеркиваетъ свои недостатки. На стр. 75 г. Августовъ пишетъ: „съ... тщательностью просматривались владыкой (митр. Филаретомъ)... сочиненія. Онъ не хотѣлъ выпустить въ свѣтъ необработаннаго,... и неяснаго произведенія. Вѣдь, черезъ это было бы положено темное пятно на всю академію, на ея работы въ области научной“. Подобнаго отношенія къ ученой работѣ мы и не видимъ въ сочиненіи г. Августова. Почти на каждой страницѣ у него встрѣчаются вопіющія нарушенія логическихъ и стилистическихъ правилъ; онъ не стѣсняется такими выраженіями: „старался перетащить его въ свою академію“ (стр. 8), „при переселеніи съ кафедры на скамью (Голубинскій) забылъ тамъ свою табакерку. Разбирало его при видѣ, какъ слушатель его откуда-то угощается“ (стр. 45). Такихъ *небрежностей* у автора очень много, и перечислить ихъ значило-бы передать <sup>3</sup>/<sub>4</sub> сочиненія... Видно, что онъ представилъ тотъ самый черновикъ, который долженъ бы переработать, а не спѣшить съ подачей. Правда, нужно сознаться, что всякій авторъ—сынъ своего вѣка прежде всего; и г. Августовъ также пошелъ за небрежнымъ отношеніемъ къ литературной сторонѣ сочиненій, которое постепенно, но твердо укореняется, къ сожалѣнію... Конечно, въ этомъ сказывается самое простое и естественное желаніе поскорѣе раздѣлаться съ взятой темой, которая не представляетъ для автора никакого, въ большинствѣ, интереса, такъ же случайна, какъ билетъ лотереи. На самомъ дѣлѣ, что сказать о сочиненіи, которое при самой простой, опредѣленной, не

представляющей даже въ методологическомъ отношеніи никакихъ затрудненій, темъ лишено литературной обработки? Конечно, можно и нужно сказать одно: авторъ хотѣлъ поскорѣе покончить съ своей работой. Такое отношеніе по-ложительно преступно, потому-что оно вообще говорить о небрежности человѣка, о нежеланіи вдумчиво отнестись даже къ серьезному дѣлу, на основаніи котораго дѣлается характеристика. Во французскихъ школахъ въ сочиненіяхъ на степень принимается во вниманіе все, что сколько-нибудь говорить вообще о человѣкѣ, и не рѣдкость встрѣтить, что автору возвращаютъ его работу, какъ не додѣланную, потому-что у него хромаетъ стилистика. Легкое отношеніе къ послѣдней неизмѣнно ведетъ и къ общей неразборчивости. Автору нужно было сказать, что Гиляровъ хорошо зналъ Гегеля, и онъ ссылается, какъ на авторитетъ, на передовую статью въ № газеты „Утро Россіи“ отъ x/13 сего года (стр. 52)... Это—научный пріемъ? Развѣ авторъ никогда не слыхалъ, какъ пишутся всѣ газетныя статьи вообще и, въ частности, передовыя? Развѣ автору неизвѣстно, что въ каждой газетѣ существуетъ такое лицо, которое о чемъ угодно и когда угодно должно написать въ 10 минутъ? Развѣ неизвѣстно автору, что сотрудникъ газеты иногда прямо диктуетъ наборщику? Рецензенту стыдно за автора... Г. Августовъ—плохой историкъ, потому-что на него великая историческая личность митр. Филарета не оказала никакого впечатлѣнія именно со стороны самаго ревниваго отношенія къ ученой работѣ, въ которой весь человѣкъ выливается предъ читателемъ со всѣми своими даже едва замѣтными недостатками. Оттого-то и нѣтъ въ сочиненіи г. Августова огня, задора и силы авторскаго слова, когда читатель забываетъ считать страницы...

Что касается матеріальной стороны настоящаго сочиненія г. Августова, то нужно сказать, что это—трудъ добросовѣстный. Авторъ изучилъ хорошо дѣла академическаго Правленія и Конференціи за 1815—70 г.г., подлинныя сочиненія митр. Филарета, которыя имѣли отношеніе къ темъ, воспоминанія современниковъ и пр. Въ результатъ получилась сводка всего подлежащаго матеріала въ четырехъ главахъ: „учебная часть“, „административная часть“, „хозяйственная часть“, „ученая часть“; въ заключеніи на стр. 192—200

авторъ даетъ совершенно правильную картинку тѣснаго союза великаго Архипастыря съ имъ созданной и воспитанной школой.

Степени кандидата г. Августовъ заслуживаетъ“.

з) О сочиненіи студента *Андреева Федора* на тему: „Юрій Федоровичъ Самаринъ, какъ богословъ и философъ“.

а) Ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Сочиненіе г. Андреева, заключающее въ себѣ XXVIII + 934 + 73, т.-е. всего 1035 страницъ, представляетъ собою значительный вкладъ въ исторію русской богословской и философской мысли.

Г. Андреевъ изучилъ Самарина не только по изданнымъ его сочиненіямъ, но и по неизданнымъ документамъ, доступъ къ которымъ получилъ благодаря любезности семьи Самариныхъ. И г. Андреевъ изучилъ не только Самарина, но онъ тщательно изучилъ ту среду, въ которой родился, воспитывался и развивался Самаринъ. Какъ только у г. Андреева являлось предположеніе, что то или иное лицо имѣло вліяніе на Самарина, онъ изучалъ это лицо и детальнымъ образомъ опредѣлялъ взаимоотношенія его и Самарина. Вотъ почему около тщательно выясненнаго и изображеннаго передъ нами Ю. О. Самарина мы находимъ портреты и характеристики цѣлой галлерей лицъ. Вся умственная аристократія 40-хъ годовъ, которая въ то время въ значительной мѣрѣ, хотя и не вполне, совпадала съ родовой аристократіей, встаетъ передъ нами. Г. Андреевъ изобразилъ намъ лицо на фонѣ эпохи и изобразилъ мастерски.

Ю. О. Самаринъ—для изслѣдователя счастливая фигура. Жизнь Самарина можно прослѣдить отъ колыбели до могилы и прослѣдить не только по внѣшности, а, пожалуй, и въ ея сокровенныхъ изгибахъ. Кое-гдѣ только оказываются хронологическіе пробѣлы. Г. Андреевъ начинаетъ свое изслѣдованіе у колыбели Самарина и кончаетъ размысленіемъ о провиденціальныхъ причинахъ по внѣшности какъ-будто случайной его смерти. Такъ какъ Самаринъ причисляется къ русскимъ гегельянцамъ, и Гегель дѣйствительно имѣлъ большое вліяніе на выработку его міросозерцанія, то г. Андреевъ въ своемъ описаніи жизни Самарина находитъ удоб-



нымъ пользоваться терминами Гегеля и заглавіями его сочиненій.

За предисловіемъ къ сочиненію слѣдуетъ 1-ая часть—феноменологія, которая изображаетъ намъ по аналогіи съ феноменологіей Гегеля ступени, по которымъ поднимался духъ Самарина въ своемъ развитіи. Воспитатели и система воспитанія, къ которымъ г. Андреевъ относится отрицательно, необыкновенно ярко и блестяще изображаются имъ. Онъ выясняетъ намъ и душу ребенка и непониманіе этой души окружающими лицами, изъ которыхъ отецъ беззавѣтно—хотя и по своему—любилъ ребенка и въ воспитаніи его видѣлъ цѣль своей личной жизни. За первымъ отдѣломъ феноменологіи, озаглавленнымъ „объектъ вниманія“, слѣдуетъ второй, озаглавленный „субъектъ познанія“, гдѣ изображается развитіе личности Самарина. Г. Андреевъ вводитъ насъ здѣсь въ кругъ авторовъ, которыхъ любилъ и которыми увлекался Самаринъ: Гюго, Гете, Гофманъ. Онъ особенно останавливается на временномъ вертеріанизмѣ Самарина.

Вторая часть сочиненія озаглавлена—логика; разумѣется логика Гегеля. Г. Андреевъ очень остроумно рисуетъ намъ Гегеля на Руси. Гегельянцевъ было много, но лицъ читавшихъ Гегеля было мало. Понимался Гегель своеобразно и разнообразно. На Самарина Гегель оказалъ могучее вліяніе и оно сказалось на его замѣчательной диссертациі о Стефанѣ Яворскомъ и Теофанѣ Прокоповичѣ (1844 г.), гдѣ Самаринъ въ терминахъ гегелевской діалектики представилъ развитіе церкви и взаимоотношеніе протестантизма, католичества и православія. Говоря о вліяніи Гегеля на Самарина, г. Андреевъ никогда не забываетъ другихъ вліяній и отношеній Самарина. Передъ нами проходятъ Ключниковъ, Бѣлинскій, Бакунинъ, семья Аксаковыхъ, особенно К. Аксаковъ, Кирѣевскій, Чаадаевъ.

Третья часть называется „онтологія“. Здѣсь является Хомяковъ, котораго г. Андреевъ именуетъ спасителемъ. Хомяковъ содѣйствуетъ тому, что Самаринъ преодолеваетъ Гегеля, выходитъ на новую дорогу, утверждается въ вѣрѣ въ Промыслъ. И затѣмъ Самаринъ и его друзья умираютъ и всѣ умираютъ безвременно и случайно. Г. Андреевъ кончаетъ свое сочиненіе утвержденіемъ, что Богъ отнял у нихъ перо „прежде времени“, потому что отъ этого произошло

благо. Разумѣется, вѣря въ Промыслъ, мы не можемъ вѣрить въ случайность этихъ случайныхъ смертей. Но пути Промысла неисповѣдимы, и тезисъ, что было бы хуже, если бы Самаринъ, Хомяковъ, К. Аксаковъ и др. прожили долѣе, представляется недоказуемымъ и рискованнымъ.

Г. Андрееву должно быть поставлено въ заслугу, что онъ опубликовалъ существенное изъ тѣхъ матеріаловъ о Самаринѣ, которые не скоро увидятъ свѣтъ, а можетъ быть нѣкоторые и никогда не увидятъ свѣта. Г. Андреевъ пользовался въ рукописномъ видѣ—1) всею сохранившеюся перепискою Самарина съ Аксаковыми, А. О. Смирновой, кн. Черкасскимъ, Гиляровымъ-Платоновымъ, кн. Гагаринымъ, Хомяковымъ, кн. Оболенскимъ и др.; 2) неизданными статьями Самарина—историческими (Князь), политическими, набросками философскихъ и богословскихъ статей; 3) дневниками—5 томовъ, отъ 19 до 25 лѣтняго возраста, — учебными тетрадями, альбомами рисунковъ; 4) журналами наставниковъ—Pascault—4 тома (отъ 6 до 12 лѣтъ) и Надеждина—2 тома (8—13 лѣтъ); 5) замѣтками Самарина на поляхъ книгъ, мелкими записками. Кромѣ рукописныхъ г. Андреевъ пользовался даже устные источники—воспоминанія Ф. Д. Самарина, кн. А. М. Голыцина и Д. А. Хомякова.

Г. Андреевъ не только тщательно изучилъ все то, откуда и изъ чего можно почерпнуть свѣдѣнія о Самаринѣ, но онъ, видно, поставилъ своею задачею изучить факторы, вліявшіе на образованіе личности Самарина и на характеръ его дѣятельности. Г. Андреевъ изучалъ Гегеля; хорошо ознакомился съ Шеллингомъ, прекрасно и въ подлинникахъ знаетъ ту литературу, которую увлекался Самаринъ. Г. Андреевъ занимался изученіемъ эпохи и особенно тѣхъ лицъ, которыя близко стояли къ Самарину. Это изученіе нерѣдко являлось для него ключемъ, при помощи котораго ему открывался не только смыслъ дѣйствій и словъ Самарина, но порою и его душа.

Диссертация г. Андреева является противовѣсомъ ходячимъ легкомысленнымъ представленіямъ о славянофилахъ. Славянофиловъ часто обвиняютъ въ красномъ патріотизмѣ и презрѣніи къ западу. Не говоря уже о нашей совершенно невѣжественной интеллигенціи, даже такіе образованные люди, какъ покойный Вл. С. Соловьевъ, высказывали подоб-

ныя обвиненія. Г. Андреевъ вовсе не выступаетъ апологетомъ славянофиловъ, но тѣмъ убѣдительнѣе является выводъ подсказываемый его сочиненіемъ, что славянофилы были наиболѣе образованнымъ и наиболѣе благороднымъ элементомъ русскаго общества.

Въ своемъ сочиненіи г. Андреевъ ни на минуту не забываетъ, что человѣкъ есть нѣчто измѣняющееся и развивающееся. Въ его изображеніи Самаринъ никогда не представляется человѣкомъ окончательно сложившимся хотя бы въ богословскомъ или философскомъ смыслѣ. Самаринъ изображается въ процессѣ развитія, и этотъ процессъ прерывается лишь смертію, но авторъ ясно высказываетъ, что если бы не явилась смерть, Самаринъ и дальше бы шелъ по пути исканій. Разумѣется, не всѣ люди таковы. Есть люди рождающиеся стариками. Есть люди, которыхъ духовная физіономія окончательно складывается къ 20—25 годамъ. Есть, наоборотъ, люди, которые духовно блуждаютъ всю жизнь. Г. Андреевъ въ своемъ сочиненіи проявилъ глубокое пониманіе этого различія психики.

Въ историческихъ сочиненіяхъ всѣхъ временъ—наше время не представляетъ исключенія, измѣнилась лишь форма, а не существо—авторы часто являются прокурорами или панегиристами выводимыхъ ими лицъ. Г. Андреевъ *стремится* быть объективнымъ. Это—его заслуга. Но переходя къ рѣчи о томъ, что было бы желательно измѣнить или дополнить въ трудѣ нашего автора, я прежде всего долженъ сказать, что свое стремленіе къ объективности онъ не осуществилъ въ должной мѣрѣ. Онъ не идеализируетъ Самарина, но онъ слишкомъ довѣряетъ антипатіямъ Самарина. Можетъ быть воспитатель Пако и Самаринъ—отецъ сыграли и не такую печальную роль въ жизни Юрія, какъ это представляется г. Андрееву. Матеріалъ, который онъ даетъ намъ въ своемъ сочиненіи, позволяетъ оспаривать его утвержденія. Но особенно несправедливымъ мнѣ представляется отношеніе Ю. Ө. Самарина и вслѣдъ за нимъ и нашего автора къ питомцу нашей Академіи (1820—1824) и впослѣдствіи профессору Московскаго Университета Н. И. Надеждину. Надеждинъ былъ крупною личностью. Напрасно г. Андреевъ ссылается на эпиграммы Пушкина по адресу лакейскихъ диссертаций семинариста. Послѣ этихъ общезвѣстныхъ эпиграммъ Пушкин-

нымъ была написана мало извѣстная небольшая статья въ „Телескопъ“ Надеждина—„Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ“, изъ которой можно видѣть, что Пушкинъ въ концѣ-концовъ усмотрѣлъ въ Надеждинѣ не зюла и педанта, а друга и тонкаго критика. Надеждинъ сдѣлалъ очень много и въ очень различныхъ областяхъ и еще на студенческой скамьѣ онъ былъ замѣченъ Ѳ. А. Голубинскимъ, который и началъ руководить его въ изученіи нѣмецкой философіи. Такъ и г. Андреевъ на студенческой скамьѣ былъ замѣченъ его профессоромъ философіи.

Какъ несправедливъ г. Андреевъ въ отношеніи къ Надеждину, такъ несправедливъ онъ и въ отношеніи къ Петербургу. Я разумѣю не чиновничій міръ Петербурга, который, кажется, никѣмъ и никогда не считался привлекательнымъ, а безвинные сады, улицы и зданія Петербурга. По мысли г. Андреева—и должно признать, онъ развиваеетъ ее искусно,—Петербургъ какъ будто самъ по себѣ вліялъ вредно, а Москва сама по себѣ вліяла благотворно. Думаеется, что вліяніе Петербурга и Москвы при различныхъ сопутствующихъ условіяхъ можетъ быть очень различнымъ.

Заканчивая рѣчь о вліяніяхъ, я долженъ сказать, что хотя г. Андреевъ и признаеетъ значительное вліяніе на Самарина того, что именуется *ewig weibliches* (въ первый разъ на 89 стр.), но изъ его труда не видно этого вліянія.

По отношенію къ внѣшней сторонѣ сочиненія можетъ быть для многихъ читателей было бы лучше, если бы г. Андреевъ былъ нѣсколько проще. Философскіе термины и нѣмецкія фразы или заглавія нравятся не всѣмъ. Порою они являются у автора безъ нужды. Я понимаю еще, что рѣчь о планѣ воспитанія у него озаглавлена по французски—программа была составлена французомъ и на французскомъ языкѣ—,но почему вмѣсто „учебные годы“ у него стоитъ *Lehrjahre*, хотя эти *Lehrjahre* начинаются съ того, что у Самарина является русскій воспитатель, это непонятно. Можно, конечно, сказать, что этотъ воспитатель принесъ съ собою нѣмецкій духъ, но этой истинѣ не повредило бы и русское заглавіе.

Г. Андреевъ сдѣлалъ очень много, но если отъ того, кому много дано, можно много и требовать, то я желалъ бы, чтобы при окончательной обработкѣ своего сочиненія г. Андреевъ свелъ изложеніе системы Гегеля главнымъ образомъ

въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ Самаринъ связывается съ Гегелемъ. Тогда вліяніе одного изъ важныхъ факторовъ на Самарина стало бы гораздо яснѣе. Хотя у насъ было много гегельянцевъ, у насъ мало сдѣлано для ознакомленія съ Гегелемъ, и всякое новое изложеніе его возрѣвнѣй—въ данномъ случаѣ разумѣется сжатое,—будетъ очень полезнымъ вкладомъ въ нашу философскую литературу.

Можетъ быть также г. Андреевъ напелъ бы возможнымъ систематизировать не систематичнаго Самарина. Не измѣняя написаннаго, авторъ могъ бы дополнить свое сочиненіе краткимъ изложеніемъ того, какъ, по его мнѣнію, Самаринъ отвѣчалъ или могъ отвѣчать самому себѣ на вопросы, которые всегда считались и будутъ считаться важнѣйшими. Читателю тогда былъ бы крайне облегченъ трудъ выясненія міросозерцанія Самарина, какъ оно представляется нашему автору.

Но г. Андреевъ сдѣлалъ уже очень много. Въ его сочиненіи проявлены выдающіяся философскія и литературныя способности, любовь къ наукѣ, изумительное трудолюбіе, прекрасное общее образованіе, широкая и основательная подготовка для научныхъ занятій.

Считаю своимъ долгомъ рекомендовать его сочиненіе особенному вниманію Совѣта“.

б) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„Тема, предложенная г. Андрееву, можетъ показаться черзчуръ скромной для кандидатскаго сочиненія и соответствующей, скорѣе, небольшому очерку, чѣмъ обширной диссертаци. Ю. Э. Самаринъ не принадлежитъ къ числу мыслителей, которымъ судьба и характеръ благопріятствовали развернуть въ стройныхъ рядахъ мыслей систему своего жизнепониманія. Нравственный закалъ личности, для Самарина наиболѣе характерный, оказался задержкою въ его писательской дѣятельности, и голосъ долга, непреложнаго, какъ категорическій императивъ, потребовалъ посвятить бѣольшую часть жизни на общественную дѣятельность, которая не была внутренне привлекательной для Самарина, и оставить умственное творчество, о которомъ мечтало сердце. Собственно философское и богословское наслѣдіе Самарина, изданное досель, далеко не настолько значительно, чтобы можно было по нему составить цѣлостное изображеніе

его философско-богословскаго облика. О Самаринѣ стало принятымъ говорить тономъ глубокаго уваженія. Но едва ли многіе могутъ дать себѣ отчетъ въ этомъ установившемся преданіи, значительная доля котораго, къ тому же, относится, конечно, къ дѣятельности Ю. Ө-ча по освобожденію крестьянъ. Какъ философъ, Самаринъ доселѣ былъ скорѣе достояніемъ легенды, нежели исторіи, и работа г. Андреева— первый опытъ изслѣдованіе послѣдней.

Выяснивъ себѣ недостаточность изслѣдованія напечатанныхъ сочиненій Самарина, г. Андреевъ понялъ что ему надо заниматься Самаринымъ не столько какъ философскимъ или богословскимъ писателемъ, сколько философскихъ и богословскимъ мыслителемъ въ собственномъ и точномъ смыслѣ слова. Проникнуть во внутренней міръ Ю. Ө-ча, понять самую жизнь его, какъ развитіе его философскихъ воззрѣній. — вотъ задача, которую поставилъ себѣ изслѣдователь. И, отвѣтъ на такъ поставленную задачу, вмѣсто тощей и мало-содержательной тетради, которой должно было ждаться при способъ работы, кажущемся самымъ естественнымъ, у него явился томъ въ XXVIII+934+73 стр. На этихъ страницахъ развертывается обширная философская эпопея, и „Самаринъ“ есть названіе ея, по главному ея герою. Тутъ подвергается спеціальному обсужденію множество лицъ и множество темъ; тутъ представлены вѣянія эпохи и настроенія вѣка; тутъ вступаетъ въ общую ткань изслѣдованія множество обще-философскихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ уже самимъ Авторомъ.—

„племя мигнувшихъ договоры,  
плоды наукъ, добро и зло,  
и предрассудки вѣковые  
и гроба тайны роковыя“.

Ни одинъ изъ излагаемыхъ моментовъ этой эпопеи не дается Авторомъ какъ простой фактъ. Все подвергается внутреннему разъясненію, обсужденію, углубленію. Весь обширный матеріалъ его не вываленъ изъ архивовъ въ сочиненіе, но по существу пронизанъ мыслию и сдѣланъ достояніемъ жизнепониманія. Полотно это обширно, но оно нигдѣ не заполнено простыми фотографическими снимками. Поэтому, послѣ сказаннаго, можетъ быть, уже нѣтъ необходимости отмѣчать, что работа г. Андреева составила не изъ эклектически подобранныхъ сообщеній о разныхъ разностяхъ. Нѣтъ, тутъ

все—объ *одно.нз*, но это одно берется во многих моментах и во многих проявленіяхъ, и каждое изъ дѣйствующихъ лицъ выступаетъ лишь настолько, насколько оно находилось во взаимодействіи съ героемъ и оказалось способствующимъ раскрытію въ немъ линіи его собственнаго внутренняго устройства. Этими-то линіями и обрисовываетъ Ю. Ф-ча, на основаніи отдѣльныхъ намековъ и замѣтокъ, г. Андреевъ. Дневники воспитателей Самарина, его собственные дневники, письма его и къ нему, воспоминанія о немъ, отдѣльныя замѣтки въ его сочиненіяхъ—все тутъ использовано въ качествѣ матеріала для воспостроенія цѣлаго, и изъ множества отдѣльныхъ штриховъ, каждый изъ которыхъ самъ по себѣ, въ отдѣльности проведенный, былъ бы совсѣмъ неправильно представляющимъ суть дѣла, г. Андреевъ, исправляя ихъ другъ другомъ, составляетъ весьма точно очерченный духовный путь Самарина. Этотъ путь вычерчивается какъ *огнивающая* ряда кривыхъ,—тѣхъ мгновенныхъ направленій чужой мысли и чужой личности, по которымъ шелъ, тогда, когда внутреннее развитіе подводило къ тому, Самаринъ, выявляя по поводу того или другого лица или умственнаго теченія предрасположенія своего собственнаго уклада личности. Говоря о другихъ и о другомъ, г. Андреевъ характеризуетъ, однако, всегда только Самарина. Но т. к. эти отдѣльные штрихи накладываются не простыми упоминаніями, а конкретно и развито, то вся работа получаетъ характеръ сочный и густой. Г. Андреевъ вжился въ личность Самарина, мысленно прожилъ съ нимъ его жизнь, ясно представилъ себѣ даже частныя обстоятельства ея быта. Ясность представленія способствуетъ выработанности языка. Обладая языкомъ литературнымъ, г. Андреевъ сумѣлъ многіе моменты и полосы жизни Самарина изобразить съ художественною выпуклостью и съ драматическимъ трепетомъ. Но, повторяю, эта отчетливость не есть отчетливость только зрительная: образы прощлаго у г. Андреева просвѣтлены философскою идеею, связуещою всѣ ихъ въ одно цѣлое. Г. Андреевъ, путемъ внимательнаго изученія „Феноменологіи“ Гегеля сумѣлъ выяснитъ, что гегельянство Самарина не было случайною полосою въ его жизни, зависѣвшею отъ моды, но было заложено въ немъ всѣмъ предыдущимъ развитіемъ и воспитаніемъ, что съ колыбели было *внушено* ему предрасположеніе къ Гегелю и что

весь періодъ философскаго возрастанія его былъ неуклоннымъ шествіемъ къ Гегелю.

Въ этой философіи Самарину было дано осознать себя, — чтобы преодолѣть себя. Преодолѣніе Гегеля было побѣдою надъ собою, и Хомяковъ, „спасшій“ Самарина отъ Гегеля, спасъ его вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Самарина, отъ гнетущаго переживанія фатальности, которое требовало выявленія и затѣмъ преодолѣнія. „Къ Гегелю“ и „отъ Гегеля“ — таковы противоположныя устремленія двухъ половинъ изучаемой біографіи. Но тогда, если подъ знакомъ Гегеля протекаетъ вся она, — тогда дѣлается вполне понятнымъ и то, на первый взглядъ трудно пріемлемое, убѣжденіе нашего автора, что вся эта біографія расчленяется по отдѣламъ Гегелевой „Феноменологіи“. Такъ оно, конечно, и быть должно, разъ въ основѣ своей жизнь Самарина воплощаетъ начало Гегелевой философіи. Правда, можетъ быть, съ чисто-литературной стороны могутъ казаться нѣсколько манерными ярлыки изъ Гегелевой „Феноменологіи“, налѣпленные въ видѣ заголовковъ на различные отдѣлы и подотдѣлы біографіи Самарина. По существу же дѣла, г. Андреевъ вполне правъ. Но есть эти заголовки, или нѣтъ ихъ, (вычеркнуть ихъ — дѣло четверти часа) — все равно за г. Андреевымъ остается философское проникновеніе въ жизнь философа. Однако, стараясь *все* понять и *все* углубить въ этой жизни, г. Андреевъ блюдетъ себя отъ искушенія все оправдать и все возвеличить. Нравственная оцѣнка и религіозная повѣрка всего, обсуждаемаго въ этомъ сочиненіи, неизмѣнно чувствуется читателемъ его, хотя и не выступаютъ прямо, — что звучало бы навязчивостью.

Итакъ, сочиненіе г. Андреева занимается философствующею личностью и имѣетъ задачею понять это философствованіе какъ проявленіе личности. Можно ходить около личности, внимательно изучая малѣйшую подробность ея периферіи. А можно, обойдя кругомъ нея, углубиться въ толщу ея и сдѣлать, уже въ толщѣ этой, обходъ концентрической первому, потомъ углубиться еще — и сдѣлать новый обходъ, все стягивая и стягивая обходы и изслѣдуя все болѣе и болѣе глубокія напластованія личности. Всмотриваясь въ сложеніе личности на разныхъ глубинахъ ея и открывая единство плана въ разрѣзахъ разныхъ глубинъ, мы поймемъ личность въ ея цѣломъ, ибо идеальный предѣлъ нашихъ



обходовъ есть то, что можно назвать „самю“ личностью, а предѣлъ общаго для разныхъ слоевъ плана устроенія—умопостижимымъ характеромъ даннаго лица.

Г. Андрееву хочется прощупать, именно, ноуменальный пульсъ личной жизни Самарина, подслушать биеіе таинственныхъ нѣдръ его существа.—по внѣшнимъ симѣтомамъ судить о самомъ организмѣ его души. Ему хочется понять біографію Самарина не какъ послѣдовательность внѣшне перечисленныхъ и плоскоотнонесенныхъ фактовъ, и не какъ цѣль извнѣ зацѣпляющихся другъ за друга причинъ и слѣдствій бытія феноменальнаго, но какъ единое, изнутри раскрывающееся *цѣлое*, какъ живую и упругую мускулатуру, въ каждомъ тончайшемъ волокнѣ которой запечатлѣло себя сокровенное, но отъ того еще болѣе опредѣленное, строеніе личности. Показать, что въ свойствахъ *всей* организаціи, какъ и въ моментахъ *всей* біографіи, есть строгая соотносительность, и что, какъ органы тѣла,—черты характера, свойства личности, поступки, склонности и влеченія точно гомологичны и гомотипичны другъ другу,—такова задача, поставленная себѣ г. Андреевымъ и въ значительной части выполненная. Такимъ образомъ, работа его имѣетъ интересъ не только для историка мысли русскаго общества, но и для занимающагося характерологіей или еще какой-нибудь дисциплиной, пытающагося уловить закономерность устроенія личности.

Этотъ интересъ усугубляется еще тѣмъ, что главную массу данныхъ для своего сочиненія г. Андреевъ извлекъ изъ Самаринскаго архива, и что документы, тамъ изученные, оказываются гораздо интереснѣе многаго изъ того, что доселѣ напечатано. Нельзя не высказать самаго горячаго пожеланія, чтобы родственники † Ю. Ѳ. Самарина, столько уже сдѣлавшіе для увѣковѣченія памяти его, возможно скорѣе издали эти высокопоучительные документы.

Главнымъ недостаткомъ разбираемаго сочиненія мнѣ представляется отсутствіе въ немъ характеристикъ *враговъ* и *противниковъ*—Самарина въ частности и славянофильства вообще. Занятый вдохновителями, друзьями и союзниками Самарина, г. Андреевъ, незамѣтно для себя, по неизбѣжной ошибкѣ въ оцѣнкѣ, умалываетъ значительность Самарина. Вѣдь, обсужденіе его въ ряду величинъ ему равныхъ или его болѣ-

шихъ, каковы напริมѣръ братья Кирѣевскіе, отецъ и сынъ Аксаковы, Хомяковъ и т. д., Гете, В. Гюго, Гофманъ, Гегель и т. д., не позволяетъ изслѣдователю дать себѣ точный отчетъ въ исторической крупности его фигуры, и то, чѣмъ онъ на цѣлую голову превосходилъ своихъ современниковъ, даже изъ числа людей, которыхъ принято считать выдающимися, г. Андреевъ разсматриваетъ какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Необыкновенная нравственная высота личности Самарина, его чуткость къ высшимъ проявленіямъ культуры, его собственная культурная высота, его тонкость въ разработкѣ философскихъ понятій, его духовная свобода и честность мысли—все это, на фонѣ западничества и другихъ „просвѣтительныхъ“ теченій, открыло бы г. Андрееву въ Самаринѣ челоуѣка, не безъ причины породившаго около себя обще-установившееся уваженіе. Разбираемое сочиненіе весьма тщательно изучаетъ историческую среду, въ которой протекла жизнь Самарина. Но среда эта представлена односторонне-привлекательно, а эта односторонность послужила къ умаленію героя.

Но не только среда, окружавшая Самарина, а и самая жизнь его, изслѣдована г. Андреевымъ односторонне. Онъ занимается по преимуществу первой половиной жизни его и какъ-то скомканно излагаетъ вторую. Однако, нѣтъ основаній думать, что жизнь, въ самыхъ глубинахъ своихъ столь философичная вначалѣ, вдругъ потеряла эту философичность и стала безсодержательной именно тогда, когда Самаринъ сталъ зрѣлымъ мужемъ. М. б., въ этомъ преимущественномъ вниманіи къ первой половинѣ жизни Самарина сказывается возрастъ автора. Но, какъ бы-то ни было, а недостаточная обслѣдованность второй половины, и даже *печатныхъ* трудовъ ея, выступаетъ весьма замѣтно. Такъ, Самаринская работа объ иезуитахъ, гдѣ столь живо обрисовываются не только нравственныя воззрѣнія самого Самарина, но и его нравственная личность,—эта работа оставлена, кажется, даже безъ упоминанія. А между тѣмъ, тутъ нашъ изслѣдователь нашелъ бы не мало яркихъ подтвержденій тѣмъ тезисамъ, которые онъ устанавливаетъ инымъ путемъ. Точно также, весьма недостаточно выяснено *глубинное* значеніе практической дѣятельности Самарина, и, почти забывая свое основное методологическое положеніе, что ни одно проявленіе

личности не должно считать случайнымъ и стоящимъ *вне* самой личности, г. Андреевъ отдѣляется отъ всего общественнаго подвига своего героя весьма краткимъ и неуглубленнымъ изложеніемъ.

Обращаетъ вниманіе еще и слѣдующій недостатокъ. При изученіи личности столь органическомъ, г. Андреевъ совсѣмъ почти не считается съ *родомъ* Самариныхъ и не пытается привести многіе изъ чертъ своего героя къ условіямъ болѣе кореннымъ, чѣмъ воспитаніе. Онъ кажется, не примѣчаетъ, до какой степени Самаринъ-сынъ напоминаетъ своего отца, и что, слѣдовательно, воспитаніе, само по себѣ, вовсе не имѣло того всесильнаго значенія, какое хотѣли бы видѣть въ немъ Самаринъ-отецъ и Пако и какое призналъ за нимъ г. Андреевъ. А на мысль: заняться особенностями духовнаго склада цѣлаго рода—г. Андреева должны были бы навести нѣкоторые загадочные моменты біографіи Самарина самимъ же Андреевымъ отмѣченные. Самаринъ представляется ребенкомъ, родившимся словно безъ матери, отъ одного только отца. Чтò значитъ тотъ фактъ, что г. Андрееву приходится писать обширное исслѣдованіе о Самаринѣ, съ тысячекратнымъ упоминаніемъ объ отцѣ его и безъ единаго упоминанія о матери? Какая-то странная отрѣзанность отъ братьевъ; совсѣмъ неясныя отношенія къ церковности; ледяной холодъ родительскаго дома и т. д. и т. д.—что значать всѣ эти обстоятельства и въ какомъ предѣлѣ они сходятся? Фатализмъ Самарина, его гегельянство и эти стороны его біографіи явно имѣютъ какой-то общій корень, который я не могу охарактеризовать иначе, какъ что-то металлическое, терзающее и разрывающее душу—и носителей этого металлическаго начала, и всѣхъ, съ ними соприкасающихся. Словно гипнозъ тяготѣетъ надъ домомъ, и только на сторонѣ члены его начинаютъ сбрасывать съ себя злыя чары. Но въ чемъ онѣ? — Не дѣло рецензента производить эти розысканія. Но его дѣло—отмѣтить необходимость таковыхъ. И, въ частности, его дѣло указать, что, посвятивъ столько страницъ личности Ю. Ф-ча, г. Андреевъ ни разу не далъ анализа его *лица*. А между тѣмъ, изучить это лицо, особенно въ разныя полосы его жизни—сколькими бы данными это обогатило ноуменальное изученіе личности! То же должно сказать и о другихъ способахъ проникновенія въ ноуменальныя нѣдра лич-

ности. Почеркъ, структура біографической хронологіи, символизмъ событій, вкусы, симпатіи и антипатіи, привычки, вообще все то, въ чемъ подсознательное творчество личности выявляетъ себя съ наименьшимъ треніемъ, — это должно было бы подвергнуться анализу тѣмъ болѣе тщательному, что именно въ этомъ направленіи ведется вся работа. Какъ важно было бы, напримѣръ, прослѣдить, хотя бы по фамильнымъ портретамъ, въ какомъ направленіи шло духовное развитіе рода, прежде чѣмъ онъ породилъ своего лучшаго представителя, и какъ связываются черты этого послѣдняго съ основными тенденціями рода.

Сдѣлаемъ еще одно маленькое замѣчаніе. Г. Андреевъ отмѣчаетъ у Хомякова ошибку въ передачѣ Кантовскаго „Du sollst, denn du kannst“—а именно: „Ты можешь, значитъ долженъ“. Эта ошибка, въ которую впоследствии впалъ еще В. В. Розановъ,—вовсе не новость, ибо въ ней же провинился до Хомякова гегеліанецъ Михелетъ, и весьма возможно, что дальнѣйшія повторенія этой ошибки были заимствованы, прямо или косвенно, именно отъ этого послѣдняго.

Было бы желательно, чтобы г. Андреевъ, кое въ чемъ исполнивъ свое сочиненіе, возможно скорѣе выпустилъ его въ свѣтъ. Но и то, что представилъ онъ теперь, всесторонне показываетъ въ немъ работника, умѣющаго обращаться и съ философскими трактатами и съ художественными произведеніями, разбирающагося въ сырыхъ и трудно-разбираемыхъ рукописныхъ матеріалахъ и отлично владѣющаго языкомъ. Степени кандидата онъ съ избыткомъ заслуживаетъ“.

4) О сочиненіи студента *Архангельскаго Алекся* на тему: „Типы диссолюціонныхъ воззрѣній въ церковной письменности и въ свѣтской наукѣ“.

а) И. д. доцента *священника П. А. Флоренскаго*:

„При обсужденіи сочиненія г. Архангельскаго нужно принять во вниманіе нѣкоторыя свойства темы, которыя дѣлали разработку ея болѣе трудной, чѣмъ это бываетъ при большинствѣ другихъ студенческихъ работъ. Дѣло въ томъ, что г. Архангельскій не только не имѣлъ предъ собою образца работы, если не считать далеко не достаточной книги Андрея *Лаланда*—*La dissolution opposée à l'évolution*, Paris 1899—, но не могъ и пользоваться готовыми и точно выработан-

ными понятіями. Самое понятіе *диссолюціи*, какъ процесса обратнаго эволюціи, намѣчается во множествѣ мѣстъ науки и нащупывается многими мыслителями, но доселѣ не приведено къ ясности, и даже терминъ „диссолюція“ не имѣетъ въ научномъ обиходѣ единообразнаго употребленія. Предлагая тему, рецензентъ имѣлъ въ виду, что г. Архангельскій пойдетъ путемъ аналитическимъ,—т. е. вскроетъ въ современныхъ и древнихъ теченіяхъ мысли основныя направленія въ пониманіи сущности диссолюціи и постарается привести найденныя понятія диссолюціи къ нѣкоторому возможному единству. Однимъ словомъ, отъ Автора предполагалось услышать постепенно вырабатываемое опредѣленіе диссолюціи, охватывающее разныя типическія диссолюціонныя ученія. Эта работа, требующая и большихъ знаній и большой остроты логическаго анализа, несомнѣнно,—работа нелегкая.

Авторъ пошелъ инымъ путемъ, синтетическимъ,—не скажу чтобы неинтереснымъ, но такимъ, которому все же должна бы предшествовать та, выше-указанная работа. Отъ невниманія его къ той работѣ произошли нѣкоторыя неясности, которыя, надо надѣяться, онъ исправитъ при дальнѣйшей обработкѣ своего весьма нужнаго по темѣ сочиненія. А именно, г. Архангельскій полагаетъ въ основу своего изслѣдованія не *понятіе* диссолюціи, а *чувство* диссолюціи, какъ чувство умiranja и смерти. и даже пытается вскрыть, на какихъ гносеологическихъ и онтологическихъ основахъ оно произростаетъ, къ какимъ слѣдствіямъ ведетъ и какія теченія въ религiи и наукѣ производитъ въ качествѣ своихъ плодовъ. Эти основы—антиномичность бытія и познанія въ ея различныхъ аспектахъ, приводящаяся въ свою очередь къ идеѣ грѣховности. Идея диссолюціи, въ основѣ своей, есть не что иное, какъ чистосердечное признаніе грѣховности бытія и тѣсно связана съ проблемою *времени* и проблемою *индивидуальности*. Но та же идея диссолюціи, поэтому, предполагаетъ и воскресеніе, возрожденіе, возстановленіе—черезъ смерть. По существу дѣла нельзя не признать такую постановку темы значительной. Но Авторъ постоянно сбивается съ языка *переживаній* на языкъ *понятій*, и потому то переживанія изображаются имъ безкровно, то понятія расплываются у него во что-то неуловимое. Отдѣльныя мѣста, такъ сказать—покоющіяся положенія мысли, сами по себѣ взятыя, очерчены имъ порою отчетливо и убѣдительно. Таково, въ особенности,

изслѣдованіе объ эсхатологическихъ идеяхъ св. Иннолита, папы Римскаго. Но когда г. Архангельскій начинаетъ связывать эти отдѣльные экскурсы и пытается діалектически перейти отъ одного мѣста покоя къ другому, тогда мысль его, при безспорной значительности, дѣлается трудно уловимой и слишкомъ бѣглою. Что два положенія, связываемыя имъ, дѣйствительно стоятъ въ какой-то существенной связи между собою,—это, въ такихъ случаяхъ, чувствуется. Но выразить эту связь обще-понятно—далеко не всегда удается г. Архангельскому, за что, впрочемъ, винить надо не столько его, сколько трудную уловимость самой связи. Поэтому, сочиненіе его, содержащее въ себѣ много интересныхъ замѣчаній и отдѣльныхъ наблюдений и написанное хорошимъ языкомъ, при процессѣ чтенія представляется болѣе или менѣе единымъ, но, какъ только рукопись отложена въ сторону, за улечученіемъ связующихъ его смутныхъ чувствъ и волнений мысли, распадается и лишь съ большимъ трудомъ можетъ быть мысленно воспроизведено, какъ одно цѣлое. Разбираемое сочиненіе, не вполне додѣлано; оно нуждается во *времени*, чтобы улечься и, когда мысли г. Архангельскаго получатъ болѣе опредѣленности, оно обѣщаетъ быть и углубленнымъ и полезнымъ.

Не стану отмѣчать ни частныхъ достоинствъ, ни частныхъ недочетовъ этого изслѣдованія. Скажу только, что кое что въ немъ нуждается въ болѣе точной провѣркѣ и многое—въ восполненіи. Но и то, что сдѣлано сейчасъ, показываетъ, что г. Архангельскій можетъ быть весьма полезнымъ преподавателемъ богословскихъ и философскихъ наукъ, особенно въ тѣхъ ихъ областяхъ, гдѣ онѣ соприкасаются между собою. Степени кандидата онъ вполне заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора *С. С. Глазкова*:

„Сочиненіе г. Архангельскаго (272 стр.) написано литературнымъ языкомъ. Оно обнаруживаетъ въ авторѣ философскую начитанность, интересъ и внимательное отношеніе къ наукамъ физическимъ и знакомство съ нѣкоторыми проблемами біологін.

Но сочиненіе вызываетъ много недоумѣній.

Авторъ не опредѣляетъ, что такое — диссолюціонныя возрѣнія, между тѣмъ терминъ этотъ вовсе не имѣетъ граж-

данства въ философской наукѣ. На стр. 4-ой авторъ намъ сообщаетъ, что чувство диссолюціи есть чувство смерти. На это я скажу: освобожденіе желѣза отъ ржавчины есть процессъ диссолюціонный, т. е. по-просту процессъ разложенія. Неужели это смерть для желѣза? Диссолюція можетъ быть высвобожденіемъ отъ нежелательныхъ связей. Нашъ авторъ рассматриваетъ диссолюцію съ иной точки зрѣнія. Онъ долженъ былъ дать точное опредѣленіе термина.

Г. Архангельскій своею темою обязался дать намъ типы диссолюціонныхъ воззрѣній. Но почему избранныя имъ лица и книги должны быть считаемы типичными, это остается загадкою для читателя. Мнѣ представляются они—не скажу: всѣ, но многія—совершенно случайными. Почему авторъ не говоритъ о теоріи Гирна (прямо на тему), о минеральной философіи Лаппарана (прямо на тему), о Снайдерѣ, о послѣднихъ работахъ (†) Пуанкаре, Беккереля? Затѣмъ онъ много говоритъ о Лебонѣ и не договариваетъ главнаго, что Лебонъ вовсе не сторонникъ диссолюціонныхъ воззрѣній. „Все теряется“ у Лебона вовсе не значитъ: все гибнетъ, какъ думаетъ нашъ авторъ, а значитъ: все превращается (изъ одного въ другое). Г. Архангельскій удивляется открытіямъ Бахметьева и Вейнберга (стр. 164 и 165), но то что онъ изъ нихъ извлекаетъ, было извѣстно до рожденія этихъ почтенныхъ авторовъ.

Не смотря на то, что г. Архангельскій пишетъ легкимъ языкомъ, понимать его далеко не всегда легко. Дѣло въ томъ, что онъ нерѣдко старыя слова употребляетъ въ новыхъ значеніяхъ. Онъ употребляетъ термины „однажды-рожденные“, „дважды-рожденные“ (стр. 5, 6 и слѣд.) въ смыслѣ обратномъ общепринятому. Подъ однажды рожденными въ различныхъ религіяхъ разумѣются лица получившія лишь плотское рожденіе, а подъ дважды рожденными лица черезъ обрядъ или таинство присоединенія къ религіозной общинѣ, т. е. получившія кромѣ плотского духовное рожденіе. У г. Архангельскаго подъ однажды-рожденными разумѣются тѣ, которые всегда смотрятъ на небо, а подъ дважды-рожденными тѣ, которымъ сначала надо насмотрѣться на землю. Дважды рожденными у него оказываются по церковному ученію всѣ люди (стр. 7—8).

Такія выраженія, какъ: „христіанство дуалистично“, „мони-

стическая непрерывность грѣха“ (стр. 11) совершенно непонятны. Не болѣе понятно и то, почему разумъ механистическій признаетъ законъ тождества, а разумъ телеологическій—законъ достаточнаго основанія, и здѣсь открывается какая-то антиномія (123—124 стр.). Непонятнымъ представляется, почему прагматизмъ Джемса является политеистическимъ (114 стр.). Не знаю также, для чего термины новой біологіи—онтогенезисъ и филогенезисъ—авторъ примѣняетъ (стр. 145—146) къ тому, что уже давно имѣло точныя обозначенія. На 269 стр. авторъ говоритъ „о каріокинезисѣ“, во всѣхъ учебникахъ употребляется терминъ „кариокинезисъ“. Здѣсь же авторъ говоритъ „о меретопіи“. Подозрѣваю, что предполагается „мерогонія“. Нужно оговориться впрочемъ, что въ сочиненіи г. Архангельскаго безконечное множество описокъ, и далеко не всегда можно рѣшить — описка это, ошибка или убѣжденіе автора, за которое онъ можетъ постоять. Такъ на стр. 171 читаемъ: „если... вселенная безконечна, то законъ диссолюціи къ ней примѣнимъ. Это ясно“... Подозрѣваю, что авторъ хотѣлъ написать: непримѣнимъ, но почему? Это на самомъ дѣлѣ далеко неясно и можетъ оспариваться.

Неясенъ г. Архангельскій не только вслѣдствіе своеобразнаго употребленія словъ и оборотовъ, но и вслѣдствіе того, что онъ слишкомъ много требуетъ отъ читателя. Онъ рѣдко излагаетъ ученія, надъ которыми потомъ произноситъ судъ; обыкновенно онъ только намекаетъ на нихъ. Судъ его тоже обыкновенно является краткимъ и категоричнымъ. Можетъ быть *variēti sat*, но для простого смертнаго, какимъ является настоящій рецензентъ, все это неясно, непонятно и не рѣдко вызываетъ въ немъ сомнѣнія—ясно ли это самому автору? Такъ на стр. 166 г. Архангельскій размагничиваетъ индукціонную спираль „пропусканіемъ тока въ обратномъ направленіи“; думается, что собственный опытъ г. Архангельскаго съ нажиманіемъ пуговки электрическихъ звонковъ долженъ бы былъ научить его, что размагничиваніе происходитъ вслѣдствіе прекращенія тока. Точно также рѣчь автора о статистической механикѣ, о статистическомъ фактѣ (168 и 182 стр.) въ механикѣ представляетъ ли собою новую теорію автора, недоразумѣніе его или просто описку и вездѣ нужно подразумевать статику? Рецензентъ недоумѣваетъ и



контекстъ сочиненія не объясняетъ ему ничего. Рѣчи автора о распаденіи атома на мельчайшія частицы, о математической теоріи энтропіи и многое вызываютъ въ рецензентѣ недоумѣнія—вполнѣ ли все это выяснилъ себѣ авторъ?

Но за всѣмъ тѣмъ рецензентъ долженъ признать слѣдующее. Сочиненіе г. Архангельскаго свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ незадаромъ провелъ время въ академіи. Онъ изучилъ многое, что изучается немногими питомцами духовной школы и что однако часто на самомъ дѣлѣ имъ бываетъ очень нужно. Все изученное г. Архангельскимъ можетъ оказаться ему очень полезнымъ при преподаваніи богословскихъ или философскихъ наукъ и при составленіи апологетическихъ трактатовъ.

Для получения степени кандидата сочиненіе вполнѣ удовлетворительно“.

5) О сочиненіи студента *Благовѣщенскаго Викторина* на тему: „И. С. Аксаковъ. Его религіозное и общественное міросозерцаніе“.

а) И. д. доцента *Н. Л. Тунишчаго*:

„Въ сочиненіи послѣ обстоятельной біографіи И. С. Аксакова, представленной въ связи съ выясненіемъ традицій дома Аксаковыхъ, авторъ даетъ послѣдовательную характеристику его міросозерцанія, въ смыслѣ систематическаго изложенія и генетическаго уясненія его взглядовъ—политическихъ и общественныхъ, съ одной стороны, религіозныхъ вообще и въ частности церковныхъ—съ другой. Теорія земли и государства, ихъ взаимоотношеніе и отношеніе къ обществу, свобода слова, школьное образованіе, роль личности въ государственной и общественной жизни, значеніе церкви и ея отношеніе къ государству, свобода совѣсти—вотъ тѣ основные вопросы въ міросозерцаніи И. С. Аксакова, которыми объединяются его частныя воззрѣнія и которыя постепенно останавливаютъ на себѣ вниманіе г. Благовѣщенскаго.

Все сочиненіе составлено на основаніи тщательнаго изученія не только многочисленныхъ сочиненій и журнальныхъ статей Аксакова и небольшихъ работъ о немъ, но и обширной научной и публицистической литературы, отно-

сящейся къ славянофильству вообще. Изложеніе — строго продуманное, расположенное въ стройной системѣ, точное и литературное. Отношеніе автора къ избранному имъ мыслителю—объективное, чуждое присущаго многимъ работамъ о славянофильствѣ сентиментализма, но въ то же время исполненное глубокаго уваженія и теплаго чувства къ Аксакову, какъ мыслителю и общественному дѣятелю.

Авторъ не привлекаетъ къ дѣлу какихъ-либо новыхъ матеріаловъ объ И. С. Аксаковѣ, хотя ему извѣстно о существованіи болѣе 100 неизданныхъ писемъ его къ женѣ, представляющихъ и біографическія, и историко-литературный интересъ. Но воспользоваться этой перепиской авторъ лишь въ возможности.—По мѣстамъ онъ систематизируетъ міровоззрѣніе Аксакова съ большей послѣдовательностью, чѣмъ какую, на нашъ взглядъ, можетъ позволять характеръ изучаемыхъ мнѣній и симпатій, развивавшихся иногда не столько въ системѣ планомѣрнаго логическаго движенія мыслей, сколько въ зависимости отъ общей настроенности славянофила-публициста.—Съ нѣкоторыми частностями въ сужденіяхъ г. Благовѣщенскаго о послѣдовательности развитія славянофильства можно не соглашаться, но нельзя не считать вполне правильной той основной въ сочиненіи точки зрѣнія на положеніе И. С. Аксакова въ исторіи славянофильства, что онъ не внесъ „въ сокровищницу славянофильства“ никакихъ новыхъ идей, но что онъ, „воспринявъ славянофильское ученіе, пустилъ его въ оборотъ русской общественной мысли“, что „кабинетную теоретическую доктрину онъ вынесъ на свѣтъ и смѣло бросился съ нею въ живую практическую жизнь“...

Степени кандидата богословія г. Благовѣщенскій вполне заслуживаетъ“.

б) Экстраординарнаго профессора *священника В. Н. Страхова*:

„Въ предисловіи къ своему сочиненію авторъ обращаетъ вниманіе на отсутствіе юбилейной (25-лѣтія со дня смерти, † 1886—1911) литературы объ И. С. Аксаковѣ и вообще на скудость литературы объ этомъ писателѣ-славянофилѣ и причину этого усматриваетъ отчасти въ томъ, что упомянутый юбилей И. С. Аксакова пришелся между смертью Толстого и 50-лѣтнимъ юбилеемъ освобожденія крестьянъ, по-

глотившими все вниманіе общества и крупной журналистики, и, главнымъ образомъ, въ томъ, что И. С. Аксаковъ „не внесъ ни одной новой идеи въ сокровищницу славянофильства“ (с. 3). Находя такое отношеніе къ И. С. Аксакову несправедливымъ, авторъ ставитъ себѣ двоякую задачу: 1) „дать біографію этого писателя-славянофила на основаніи изданнаго матеріала, по преимуществу писемъ его и воспоминаній о немъ, и 2) на основаніи передовыхъ статей его, главнымъ образомъ, изъ „Дня“, „Москвы“, „Москвича“ и „Руси“, собранныхъ и изданныхъ въ 7-ми томахъ Собр. соч. его, представить въ систематическомъ изложеніи его религиозное и общественное міросозерцаніе“ (с. 6) и показать его значеніе для славянофильства.

Эту свою двоякую задачу авторъ выполнилъ удовлетворительно. Въ первой главѣ своего сочиненія онъ даетъ общую характеристику дома Аксаковыхъ и устанавливаетъ тѣ вліянія, подъ которыми воспитывался будущій писатель—славянофилъ. Во второй главѣ авторъ начертываетъ біографію И. С. Аксакова и показываетъ, какъ семейныя традиціи и домашнее воспитаніе отразились на личности И. С. Аксакова и на его литературно-публицистической дѣятельности. Главы III—VI посвящены выясненію общественнаго міросозерцанія И. С. Аксакова. Авторъ находитъ, что государственно-общественное міросозерцаніе И. С. Аксакова въ своей основѣ имѣетъ теорію земли и государства, развитую его старшимъ братомъ К. Аксаковымъ, и поэтому прежде всего излагаетъ эту послѣднюю. И уже послѣ этого переходитъ къ изложенію ученія И. С. Аксакова о землѣ, государствѣ и обществѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ. Общество, по Аксакову, есть народъ самосознающій, и истиннымъ признакомъ общественности служитъ свободное слово. Государство нуждается въ поддержкѣ общественной и залогъ его дѣйствительнаго преуспѣянія лежитъ въ общественномъ развитіи на началахъ народно-историческихъ. Непосредственной выразительницей истинныхъ нуждъ народной жизни является свободная печать, въ особенности провинціальная. Строгая цензура не достигаетъ своей цѣли. Напротивъ, несвободное слово служитъ условіемъ популярности западныхъ идей. Другимъ послѣ свободного слова условіемъ торжества истинно-народныхъ идей

является національная школа: безъ народнаго не можетъ быть общечеловѣческаго. А такъ [какъ русскій народъ—не политическій, а соціальнй, и цѣнить оиъ больше всего внутреннй, нравственнй основы своей жйзни, то истиннымъ типомъ русской школы является, по мнѣнйо И. С. Аксакова, національно-церковная школа, гдѣ только и можетъ выработаться сильная убѣжденная личность, отъ которой зависитъ благо государственное и общественное. Идеаломъ для И. С. Аксакова является личность, воспитанная на началахъ національно-христіанскихъ.

Главы VII—IX посвящены изложенйо религіозно-церковныхъ воззрѣнй И. С. Аксакова. Если его общественное міросозерцаніе основывается на государственно-общественныхъ воззрѣнйяхъ К. Аксакова, то его религіозно-церковнйя воззрѣнйя въ своей основѣ имѣють богословско-церковнйя воззрѣнйя А. С. Хомякова. Поэтому изложенйо религіозно-церковныхъ воззрѣнй И. С. Аксакова авторъ предваряетъ изложенйемъ религіозно-церковныхъ воззрѣнй Хомякова. Переходя къ изложенйо ученйо И. С. Аксакова о Церкви, г. Благовѣщенскій сначала устанавливаетъ взглядъ И. С. Аксакова на роль и значенйо христіанства въ общественной жйзни, потомъ—говоритъ объ отношенйо И. Аксакова къ современному прогрессу и, наконецъ, переходитъ къ изложенйо его мыслей\* о необходимости поднять пошатнувшееся вліяніе Церкви и оживить русскую религіозно-общественную жйзнь. Возвышенйо Церкви и оживленйо религіозно-общественной жйзни зависитъ отъ двухъ условій—отъ возстановленйо прихода, какъ основной ячейки общественно-церковной жйзни, и освобожденйо Церкви отъ государственно-полицейской опеки путемъ дарованйо ей полной самостоятельности въ ея внутренней жйзни и возстановленйо въ ней началъ соборности. Изложенйо религіозно-церковныхъ воззрѣнй И. С. Аксакова авторъ заканчиваетъ изложенйемъ ученйо И. Аксакова о свободѣ совѣсти. Истинное единство Церкви предполагаетъ, по мнѣнйо И. С. Аксакова, искреннее, на свободной совѣсти основанное, единомысліе членовъ въ исповѣданйо единой вѣры. Вотъ почему свобода совѣсти неотъемлема отъ понятйо Церкви, какъ организма свободной любви и истины.

Въ заключенйо авторъ устанавливаетъ значенйо И. С. Аксакова для славянофильства. Какъ натура активная, практи-

ческая, И. С. Аксаковъ „не могъ быть новаторомъ, а могъ быть пропагандистомъ, не могъ быть мыслителемъ, а могъ быть проповѣдникомъ“ (с. 307). Недюжинный литературно-публицистическій талантъ, ораторское искусство, а, главное, пламенное убѣжденіе въ своей правотѣ и искренность и твердость въ отстаиваніи своихъ мыслей, это, по выраженію современниковъ И. С. Аксакова, „писаніе не чернилами, а кровью своего сердца и соками своихъ нервовъ“,—способствовали успѣху И. С. Аксакова, сдѣлали изъ него писателя—трибуна.

Таково общее содержаніе сочиненія г. Благовѣщенскаго. Сочиненіе захвачено широко и написано интересно, методъ работы правильный, языкъ за немногими исключеніями вполне литературный. И хотя встрѣчаются въ сочиненіи г. Благовѣщенскаго нѣкоторыя передержки, но онѣ не портятъ общаго пріятнаго впечатлѣнія отъ его работы. Если вѣрны слова И. С. Аксакова, что „убѣжденіе есть власть“, что „человѣкъ убѣжденный есть власть имѣющій“ (Собр. соч. II, 173), то у рецензента есть основаніе надѣяться, что для г. Благовѣщенскаго его занятія И. С. Аксаковымъ не пропадутъ даромъ, что отъ жизни родится жизнь, что г. Благовѣщенскій будетъ убѣжденнымъ и честнымъ дѣятелемъ на нивѣ церковной.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

6) О сочиненіи студента *Богдановича Ивана* на тему: „Ученіе о человѣкѣ и человѣческой жизни по тексту книги Екклесіастъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *священника Е. А. Воронцова*:

„Сочиненіе г. Богдановича написано по такому плану: сначала авторъ даетъ исagogическія справки въ книгѣ Екклесіастъ, потомъ обозрѣваетъ исторію толкованія книги Екклесіастъ, далѣе излагаетъ ученіе книги Екклесіастъ и наконецъ, послѣ очерка, касающагося воззрѣній Шопенгауэра и Гартманна, сопоставляетъ ученіе книги Екклесіастъ съ данными пессимистическихъ доктринъ этихъ мыслителей. Прежде всего какъ отнесся авторъ къ своей темѣ?—Ему предлежала двойственная задача, два вопроса для рѣшенія: 1) ученіе книги Екклесіастъ о человѣкѣ и 2) ученіе той же книги о

человѣческой жизни. Нужно было сначала поставить элементы статическіе, потомъ — динамическіе. Г. Богдановичъ слилъ оба смежныхъ вопроса въ одинъ и написалъ по антропобіологіи, оставшись почти совершенно внѣ сферы описательной антропологии. Однако такое сліяніе вопросовъ въ трактаціи подобныхъ темъ по Библейскимъ книгамъ имѣетъ оправданіе; только всецѣлое поглощеніе, а не частичное соразтвореніе одного вопроса въ другомъ составляетъ нѣкоторый lapsus. Библия ни въ какомъ памятникѣ не даетъ данныхъ о чело-вѣкѣ, какія можно было бы изолировать отъ ученія о чело-вѣческой жизни, какъ раздѣльны анатомія и фізіологія въ естественно-исторической наукѣ; по большей части здѣсь антропологическій элементъ вкрапленъ въ ткани амартологии и сотериологии. При извѣстномъ искусствѣ и амальгамы раз-рѣшimy на составныя части, отъ г. Богдановича требова-лось бы предварительно разработать вопросъ терминологиче-ски по словарямъ еврейскаго языка и по конкорданціи, тогда работа представилась бы дихомотически: сначала уста-новка технического языка Когелета (ученіе о чело-вѣкѣ), по-томъ экзегезисъ подлежащихъ разсмотрѣнію мѣстъ (ученіе о чело-вѣческой жизни). Итакъ г. Богдановичъ по преиму-ществу остановился на вопросѣ о чело-вѣческой жизни. Что касается до введенія очерка, посвященнаго изложенію уче-нія пессимистовъ, то онъ органически не слитъ съ всею ре-цензируемою работою, составляя какъ бы обширный paren-тезъ. Удобнѣе было бы, представляя ученіе корифеевъ но-вѣйшаго пессимизма извѣстнымъ читателю, приводить эти доктрины не in extenso, а въ нужныхъ excerptaхъ, гдѣ слова философовъ напоминаютъ совнѣ сѣтованія Когелета.

Въ основу нравственной и физической біологіи Когелета положено понятіе гевель-суета, дуновеніе (ср. Исаи 57. 13), къ которому только епэкзегетически по мѣстамъ прибавляется районъ руахъ, значащее—стремленіе къ осязанію вѣтра, воз-делѣніе вѣтра, или амаль, изнурительный трудъ — improbus labor, какъ у Горация,—нѣчто граничащее съ бѣдствіемъ. По-этому естественно, что г. Богдановичъ долженъ былъ выяс-нить генезисъ ученія о суетности земнаго бытія. Толкова-тели, считающіе книгу Когелетъ за исповѣдь Соломона, за автобіографію, склонны видѣть исходный пунктъ въ ученіи Екклезіаста о суетности всего земнаго въ разочарованіяхъ

писателя, на основѣ его опыта касательно внѣшнихъ 'благъ жизни и даже самой мудрости (1, 18), но г. Богдановичъ правильно усматриваетъ, что Когелету предносится пная жизнь на землѣ, жизнь въ Богѣ и съ Богомъ, а тогда его пессимистическое настроеніе имѣетъ свои корни въ томъ разочарованіи, которое въ свое время постигло и первую Библейскую пессимистку, назвавшую второго сына именемъ „Суета“. Какой-то дуализмъ проникаетъ весь священный памятникъ, подлежащій изученію г. Богдановича, почему нѣкоторые толкователи пытались устанавливать въ немъ прикровенный діалогъ, подобіе философскихъ діалоговъ книги Іова. Однимъ лирическимъ беспорядкомъ или гномическимъ характеромъ рѣчи нельзя, конечно, объяснить противорѣчій въ воззрѣніяхъ Когелета, если внимательно слѣдить за нитью его аргументаціи изъ стиха въ стихъ, изъ главы въ главу священной книги. Ключемъ къ открытію этой тайны афоризмовъ Когелета является допущеніе двухъ теченій мысли въ этомъ памятникѣ, причемъ одно утверждается на данныхъ эмпирическихъ, а другое базируется на спекулятивно-теистической подѣосновѣ: по однимъ въ мірѣ все безцѣльно. круговоротъ вѣтра, по другой—въ мірѣ жизнь хороша. но въ Богѣ. Отсюда у Когелета то отвращеніе къ жизни (1, 14). доходящее до біофобіи (2, 17 и 4, 23), то призывъ къ вѣчному радованію: да будутъ на всякое время одежды твои свѣтлы, и да не оскудѣваетъ елей на главѣ твоей (символь пиршества, 9, 8). Если метафизическій пессимизмъ заводитъ на обрывъ. то Когелеть надъ непостижимымъ (8, 17), часто мутнымъ потокомъ земной жизни видитъ яркую радугу грядущихъ упованій (12, 14). Говоря о возможномъ на землѣ благѣ, Когелеть неизмѣнно созерцаетъ промыслительный актъ Божій (напримѣръ 5, 18, ср. 2, 25). Наслаждаться внѣ чувствованія Божественнаго промышленія—дѣло немислимое. Въ жизни. по Когелету, разстройство: не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ—побѣда, не мудрымъ—хлѣбъ, не у разумныхъ—богатство (9, 11). Жизнь охвачена тисками моральнаго вырожденія (4, 1), но это не отъ Бога, Который сотворилъ все прекраснымъ въ свое время. такъ что къ дѣлу Божию нечего прибавить и отъ него нечего убавить (3, 11 и 14), и люди созданы правыми, слѣдовательно съ потенціею счастья, но пустились во многіе по-

мысли (7, 29). Таки этический пессимизм Когелета дает теодицею подобно учению книги Иова. Софъ даварь (12, 13)— послѣсловие рекапитулируетъ долгій путь практическихъ совѣтовъ и теоретическихъ разсужденій, пройденный Когелетомъ, возможно, пользовавшимся и плодами коллективныхъ наблюдений, и сближаетъ его учение съ наставленіями другихъ памятниковъ хохмической священной письменности: направляющею силою человѣческой жизни долженъ быть признаваемъ страхъ Божій; коль-гадамъ—все человѣческое *кат' эсахр* объемлется только однимъ этимъ понятіемъ, за периферією этого коль-гадамъ лежитъ туманная области суетныхъ явленій. Когелеть сопоставляетъ трудъ и скорби въ однихъ мѣстахъ книги, трудъ и радованія—въ другихъ, и показываетъ, что земной эмпиризмъ устанавливаетъ генетическую связь первой пары явленій; даже и простѣйшее благо, чтобы ѣсть и пить и услаждаться отъ труда своего,— не во власти человѣка, хотя бы и въ ночи не спало его сердце (2, 24, 22). Что касается до радованія, вытекающаго изъ труда, то оно отъ руки Божіей (*ibid*). Приводя къ теистическому міропониманію, Когелеть выдвигаетъ щить противъ поверхностнаго скепсиса, направленнаго или на природу души или на суетное суетнѣйшаго—круговоротъ явленій въ природѣ. Что было, то и теперь есть, а что будетъ, то уже было, но все же не само по себѣ, а Богъ вызываетъ прошедшее (3, 15). Природа души—загадка для испытующаго ума человѣка, но сверхъопытная сфера бытія во власти того же Бога, Котораго рука ощутима въ явленіяхъ земнаго радованія въ отличіе отъ скорогибнущаго земнаго *веселія* (еврейскіе синонимы). Таки мировой стабилизмъ Когелета призываетъ къ упрощенію жизни, и его философія, кажущаяся убогою свѣтскимъ мыслителемъ нашего времени, ведетъ къ аскетическому пониманію жизни. Таковы выводы и данныя въ работѣ г. Богдановича. При наличности на западѣ стремленій поставить философствованіе Когелета подъ сѣнь древней біофилософіи, будетъ ли это — эпикуреизмъ, стоицизмъ или еще какая система, важно было показать, что проблемы жизни подъ солнцемъ въ освѣщеніи Когелета выступаютъ самобытно, на яркомъ фонѣ личнаго опыта писателя священной книги. Г. Богдановичъ не имѣетъ, скажемъ словами блаженнаго Иеронима: „*infinitam ser-*



monis supellectilem“ (epist. 14 ad Paulinum), гебранстическія справки, особенно по синонимикѣ, могли бы быть углублены и расширены, но безусловно и въ настоящемъ видѣ его трудъ свидѣтельствуетъ объ усердіи къ дѣлу и вполне заслуживаетъ кандидатской степени“.

б) Доцента *іеродіакона Иларіона (Троицкаго)*:

„Сочиненіе студента Богдановича очень невелико: 146 стр. въ рукописи; въ печати же оно заняло бы не болѣе 45 стр. Но и при этомъ незначительномъ объемѣ оно на двѣ трети наполнено матеріаломъ прямо и безспорно къ темѣ не относящимся. Всего лишь 45 стр. рукописи даютъ отвѣтъ на тематическій вопросъ (стр. 36—72. 138—146). Тема сочиненія г. Богдановича предполагала изслѣдованіе антропологін и аксіологін Когелета, но авторъ при написаніи своего сочиненія антропологическій вопросъ почему-то обошелъ молчаніемъ и ограничился лишь ученіемъ о человѣческой жизни. Этимъ изложеніемъ и заполнены стр. 36—72, причемъ научное изслѣдованіе автора сказывается лишь при немногихъ экзегетическихъ замѣчаніяхъ касательно того или другого мѣста (напр. стр. 58 прим. 1). Изложеніе авторомъ ученія о человѣческой жизни по кн. Екклесіастъ можно признать вполне удовлетворительнымъ. Безъ всякой нужды сокративъ свою тему, г. Богдановичъ добавилъ за то цѣлые отдѣлы, которые темой не предусматриваются. Онъ прочиталъ нѣсколько исагогическихъ и экзегетическихъ изслѣдованій о книгѣ Екклесіастъ и на основаніи этихъ пособій конспективно пишетъ объ авторѣ и времени написанія книги (стр. 5—8) и излагаетъ „исторію толкованія книги“ (стр. 9—35), исторію отрывочную и неполную. Не мало здѣсь называется ученыхъ именъ, но эти имена почти не сопровождаются опредѣленными ссылками на ученые труды. Вторая же половина сочиненія, начиная съ 73 стр., посвящена характеристикѣ новѣйшаго пессимизма. Здѣсь авторъ сжато реферировать содержаніе Шопенгауэра—„Миръ какъ воля и представленіе“ и Гартмана—„Философія безсознательнаго“ причемъ каждому изъ этихъ произведеній удѣляется мѣста и вниманія не меньше, чѣмъ книгѣ Екклесіастъ (о Шопенгауэрѣ—стр. 75—97, о Гартманѣ—стр. 98—138). Уже въ самомъ концѣ сочиненія, со стр. 138, авторъ обращается къ

избранной священной книгѣ и дѣлаеть краткое ея сравненіе съ изложенными новѣйшими системами пессимистической философіи, совершенно справедливо противопоставляя религиозный пессимизмъ ветхозавѣтнаго „Проповѣдника“ безотрадному метафизическому пессимизму новѣйшихъ философовъ.

Ошибочная постановка всего дѣла, вслѣдствіе которой осталась не обслѣдованной главнѣйшая часть темы и внесено много лишняго для темы матеріала, составляетъ существенный недостатокъ сочиненія Богдановича. Сочиненіе приходится оцѣнивать съ точки зрѣнія того, что сдѣлано авторомъ вообще, независимо отъ точной формулировки его темы. Только при такомъ взглядѣ на сочиненіе г. Богдановича можно найти нѣкоторыя положительныя черты. Авторъ прочиталъ десятка два сочиненій, посвященныхъ книгѣ Екклесіастъ; изъ этихъ сочиненій, если не считать словаря Гезеніуса, восемь иностранныхъ (почти всѣ нѣмецкія). Авторъ читалъ даже по спеціальному вопросу о внѣ-еврейскихъ элементахъ въ Когелетѣ (статья—Kleinert'a въ *Studien und Kritiken* 1883) и самъ входитъ въ разсужденіе по этому вопросу, всецѣло впрочемъ основываясь на статьѣ Kleinert'a. Прочитаны авторомъ два лучшихъ сочиненія великихъ пессимистовъ 19-го вѣка. Надъ содержаніемъ этихъ сочиненій и надъ ихъ отличіемъ отъ ветхозавѣтной книги авторъ нѣсколько подумалъ. Пишетъ авторъ просто, но складно, хотя слѣдуетъ отмѣтить у него нѣсколько выраженій неладныхъ. „Канонизмъ“ вм. каноническое достоинство (стр. 12). „Лютеръ выработалъ вѣрное пониманіе книги“ (стр. 16). „Не менѣе справедливы упреки въ матеріализмъ“ (стр. 32), хотя дальше доказывается именно несправедливость этихъ упрековъ. „Вложилъ въ сердце вѣчность“ (стр. 24. 68). „Грустные ландшафты человѣческаго страданія и слезъ“ (стр. 50). „Спихнуть съ трона“ (стр. 65). „Увѣщеваль о повиновеніи“ (стр. 65). Въ русское слово авторъ почему-то вставляетъ латинскую букву и часто пишетъ „Когелетъ“. Упоминаетъ авторъ какой-то *халдейскій* переводъ книги Екклесіастъ (стр. 58). Вѣроятно подъ вліяніемъ нѣмецкаго пособія г. Богдановичъ въ ветхозавѣтной книгѣ нашелъ короля и принцевъ (стр. 64). Страдаетъ въ сочиненіи и транскрипція: напр. мазореты (стр. 22), Гаанъ (стр. 22), Куенень (стр. 25).

Въ сочиненіи всего одно греческое слово и то—увы!—несущее въ греческомъ языкѣ—*μεταίωτος* (стр. 48).

Не вмѣнять автору въ вину неправильной постановки всего его сочиненія нельзя, но можно сказать, что его тяжкая вина предъ имъ самимъ написанной темой отчасти искупается его стараніемъ ознакомиться какъ съ научной литературой объ Екклезіастѣ, такъ и съ философскими трудами о смыслѣ и цѣнности жизни. Авторъ вообще немногословенъ, хотя на основаніи прочитанныхъ имъ книгъ онъ могъ-бы написать и очень большое сочиненіе. Его сочиненіе кратко; не богато содержаніемъ и не блещетъ особыми научными достоинствами, но написано вдумчиво, бережно и съ любовью, что отразилось даже и на внѣшнемъ видѣ сочиненія.

Для присужденія г. Богдановичу степени кандидата богословія его сочиненіе можно признать удовлетворительнымъ“.

7) О сочиненіи студента *Бойкова Николая* на тему: „Переводъ хорошимъ русскимъ языкомъ и подробный филологическій разборъ сказанія четвертаго о 42 Аморійскихъ мученикахъ“.

а) Ординарнаго профессора *С. И. Соболевскаго*:

„Работа Бойкова распадается на 3 части: 1) введеніе, гдѣ авторъ сообщаетъ историческія и историко-литературныя свѣдѣнія о Сказаніи: объ историческихъ условіяхъ эпохи, когда оно составлено (повидимому, въ IX в.), о текстѣ его, авторѣ, времени составленія, литературной формѣ, означаемой словомъ *μαρτύριον*; 2) переводъ Сказанія на русскій языкъ; 3) филологическій комментарий къ греческому тексту, составленный имъ не въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній къ тексту въ его послѣдовательности, а въ видѣ систематическаго изложенія особенностей языка этого памятника,—лексическихъ, этимологическихъ, синтаксическихъ и даже риторическихъ.

Авторъ изучилъ литературу, касающуюся греческаго языка классическаго и позднѣйшаго періода, очень старательно. Часть ея была указана ему мною; но значительную часть ея онъ нашелъ самъ, безъ моихъ указаній, напр. нѣкоторыя мои статьи въ журналѣ „Филологическое Обзорѣніе“. Послѣдствія автора очень солидныя: онъ пользовался лучшими грамматиками—Крюгера, Дитериха, Радермахера, Шмида,—луч-

шими лексиконами—Стефана, Пассова, Дюканжа, Софоклиса, —обращался даже къ древнимъ лексикографамъ—Фринижу и Мириду.

Благодаря этому, его работа носить научный характер: переводъ его по большей части правиленъ, исполненъ хорошимъ русскимъ языкомъ; комментарий, вслѣдствіе систематическаго изложенія особенностей языка, интересенъ. Авторъ приложилъ особенное стараніе къ тому, чтобы выдѣлить въ языкѣ этого памятника элементы аттические и позднѣйшіе, и это ему удалось вполне. Работу эту надо признать большой и тяжелой, какъ въ виду трудности вообще изслѣдованій по языку, такъ и въ виду почти полной неразработанности языка византійскаго. Для примѣра укажу на прекрасное изысканіе его объ употребленіи предлога *εις* въ фразѣ *εις οικίας ἐχαρίσαστο* „подарить въ качествѣ слугъ“ (стр. 62—64).

Къ числу недостатковъ этой работы надо отнести слѣд.: кое-гдѣ (но очень рѣдко) авторъ неправильно перевелъ текстъ, кое-гдѣ по-русски выразилъ его недостаточно хорошо. Въ комментарий мнѣ не понравилась манера автора выписывать изъ источниковъ множество ссылокъ на сочиненія разныхъ греческихъ писателей, о которыхъ онъ имѣетъ, вѣроятно, довольно смутное представленіе,—судя по тому, что въ одномъ мѣстѣ онъ даже не понялъ ссылки въ грамматикѣ Крюгера „*And*“, т. е. ораторъ Андокидъ, вмѣсто чего онъ пишетъ „*Soph. Andr.*“, повидимому, приписывая Софоклу трагедію „Андромаха“, которой у него нѣтъ. Къ числу недостатковъ комментарія я отношу также странное пристрастіе автора къ иностраннымъ словамъ, совсѣмъ не употребительнымъ, что напоминаетъ до нѣкоторой степени языкъ XVIII вѣка, напр. „казусы“ (стр. 61 и др.), „адъективы“ (61 и др.), „персональное понятіе“ (60), „синкретическая тенденція“ (62), „поссессоръ“ (73), „персональный способъ выраженія“ (70), „конвенціональный характеръ“ (91), „*appositio* согласовано въ казусѣ“ (91), „присоединять аппозицію въ номинативѣ ко всѣмъ казусамъ“ (92). Иногда вдругъ среди русской рѣчи поставлено затѣмъ-то латинское слово или фраза, напр., *κατὰ сὺν γενитивῷ συνιηκτικῷ*“ (66), „*in sententiis primariis*“ (78), „*Attice*“, (83), „*particulæ*“ (89). Чрезвычайно часто попадаетъ также выраженіе „имѣетъ мѣсто“ (вѣроятно, германизмъ—*statt finden*).

Но въ общемъ работа прекрасная, и я не колеблясь ставлю за нее баллы 5."

б) Доцента *иеромонаха Иларіона (Троицкаго)*:

„Сочиненіе г. Бойкова сравнительно не обширно (101 стр. больш. форм.), но работа его была огромна. Свой памятникъ онъ изслѣдуетъ и съ историко-литературной и съ филологической стороны. Его сочиненіе отличается своимъ специальнымъ характеромъ и имѣетъ специальный научный интересъ. Здѣсь почти каждая страница требовала десятковъ и можетъ быть сотенъ справокъ въ лучшихъ филологическихъ пособіяхъ, — лексикографическихъ, этимологическихъ, синтаксическихъ и риторическихъ. Ознакомленіе съ этими пособіями для студента Академіи, специальной филологической подготовки не имѣющаго, должно быть признано прямо подвигомъ и тѣ успѣхи, которыхъ достигъ г. Бойковъ, показываютъ, что онъ трудился напряженно и самоотверженно. Только любовь къ специально-научнымъ занятіямъ могла помочь ему съ такимъ усердіемъ вести свою работу. Иногда авторъ даже возвышается надъ своими пособіями и дѣлаетъ самостоятельныя наблюденія; напр., дополняетъ П. В. Никитина, указывая имъ не отмѣченныя параллели между „сказаніемъ“ и гомиліей Василия Великаго на день памяти 40 Севастійскихъ мучениковъ (стр. 12. См. еще стр. 62—64). Вообще сочиненіе г. Бойкова наглядно свидѣтельствуетъ объ его выдающемся трудолюбіи и незаурядной способности къ строго научной работѣ.

Напрасно, думается, только авторъ, желая придать своему сочиненію специальный характеръ, впадаетъ въ крайности. Его сочиненіе не только пестритъ филологическими терминами, но иногда онъ какъ-бы начинаетъ писать на латинскомъ языкѣ. Странно видѣть, что даже книги Священнаго Писанія онъ именуетъ обычно по латыни и Новый Завѣтъ у него обозначается NT (Стр. 15, 21. 23. 24. 25. 26. 30. 35. 39. 57. 63. 68. 83. 96. 97). Вотъ примѣръ: „Формы отъ ἔξουθενῶ Sophocles указываетъ у LXX Reg. 1, 8, 7 et alibi, NT. Luc. 18, 9; 23, 11; Paul. Cor. I, 1, 23, et alibi. Ios. Fl. Just. mart.“ (стр. 39).

„Хорошій русскій языкъ“ — понятіе, конечно, довольно неопредѣленное, но все же, думается, подъ это понятіе трудно подвести такія выраженія авторскаго перевода, какъ — „шар-

латань“ (стр. 18. 20), „базисъ истинной вѣры“ (стр. 25), „скверный народъ“ (стр. 31), „благородный атлетъ Христовъ“ (стр. 23). Въ переводѣ читаемъ еще—„Святые, когда ихъ отводили на казнь,... стали увѣщевать другъ друга: „не покажемъ“, соратники, „спинь“ врагамъ напимъ, наоборотъ, мужественно протривостанемъ беззаконнику“ (стр. 22).

Но несмотря на нѣкоторые мелкіе недостатки, работа г. Бойкова должна по своимъ строго научнымъ качествамъ быть признана рѣдкой и отличной. Степени кандидата богословія г. Бойковъ несомнѣнно заслуживаетъ“.

8) О сочиненіи студента *Бондарева Θεодота* на тему: „Очеркъ духовнаго развитія личности *Θ. М. Достоевскаго*“.

а) И. д. доцента *Н. Т. Туницкаго*:

„Покойный акад. А. Н. Веселовскій сравнивалъ художественную литературу съ такой географической полосой, которую международное право освятило, какъ *res nullius*, т. е. какъ территорію, не принадлежащую никому въ отдѣльности и въ то же время принадлежащую всѣмъ. Въ области русской литературы это сравненіе едва ли не болѣе всего приложимо къ произведеніямъ *Θ. М. Достоевскаго*. Глубина и сложность его художественнаго творчества давно уже привлекають къ себѣ интересъ представителей самыхъ разнообразныхъ научныхъ областей—философовъ, богослововъ, моралистовъ, психологовъ, психіатровъ, экономистовъ, социологовъ. Для каждаго изъ такихъ изслѣдователей въ произведеніяхъ *Достоевскаго* находится благодарный матеріалъ, приспособляемый къ тому порядку идей, съ которыми подходятъ къ писателю. Въ результатъ въ настоящее время накопилась весьма значительная литература, посвященная *Достоевскому* и истолковывающая его творчество съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Однако, въ этой литературѣ сравнительно очень мало удѣлено мѣста историко-литературному изученію его въ строгомъ смыслѣ слова, т. е. такому объективному, точному и документальному изслѣдованію его личности и творчества, которое могло бы дать устойчивую и неоспоримую почву для пониманія его произведеній. И въ послѣднее время все чаще и чаще стали раздаваться голоса о необходимости отъ теоретическаго и слишкомъ сво-

боднаго толкованія твореній Достоевскаго обратиться къ док-  
ументальному и точному изученію его жизни, личности  
и творчества.

Опыт такого изученія личности Достоевскаго представ-  
ляет собою сочиненіе г. Бондарева. Оно состоитъ изъ шести  
главъ, въ которыхъ, на основаніи біографическихъ и авто-  
біографическихъ матеріаловъ, а также художественныхъ про-  
изведеній Достоевскаго, изображается, если такъ можно вы-  
разиться, *внутренняя біографія* писателя — послѣдовательный  
процессъ развитія его личности. Разумѣется, какъ студен-  
ческой опытъ, сочиненіе не можетъ претендовать на всесто-  
роннее и исчерпывающее выполненіе поставленной задачи.  
Но въ предѣлахъ представлявшейся ему, по времени и си-  
ламъ, возможности онъ далъ изслѣдованіе, производящее  
весьма пріятное впечатлѣніе и въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ  
частяхъ. Въ особенную заслугу автору должна быть постав-  
лена попытка установить и рассмотреть тѣ многочисленныя  
литературныя вліянія, подъ которыми складывался, росъ и  
воспитывался великій геній (Корнель, Расинъ, Бальзакъ,  
Жоржъ-Зандъ, Бѣлинскій, Гоголь, романтики). Досадно, что,  
учитывая разнообразныя факторы, опредѣлявшіе развитіе  
личности Достоевскаго, г. Бондаревъ сравнительно мало  
выясняетъ вліяніе на него тѣхъ общественныхъ теченій, съ  
которыми переплетается развитіе его личности и творчества.

Въ цѣломъ сочиненіе отличается единствомъ построенія,  
обширностью изученія литературы о Достоевскомъ, основа-  
тельностью и самостоятельностью сужденій, теплымъ чув-  
ствомъ къ писателю и хорошимъ языкомъ.

„Для степени кандидата богословія оно вполне удовлетво-  
рительно“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тирьева*:

„Авторъ ставитъ задачей своего сочиненія „изобразить  
постепенный ходъ духовнаго развитія личности Достоевскаго“,  
особенно стараясь „соблюсти строгую послѣдовательность и  
причинную связь въ изображеніи развитія личности Досто-  
евскаго.“ По такому методу онъ излагаетъ шесть главъ: I—  
Семейное воспитаніе. Жизнь въ пансіонѣ; II—Годы ученія  
въ Инженерномъ Училищѣ; III—Начало литературной дѣя-  
тельности. Увлеченіе социализмомъ; IV—Каторга и ея влія-

ніе на міросозерцаніе и характеръ Достоевскаго; V—Національное направленіе общественныхъ взглядовъ Достоевскаго по возвращеніи его изъ ссылки. Новое рѣшеніе соціального вопроса; VI—Міросозерцаніе Достоевскаго во вторую половину его литературной дѣятельности.

Авторъ предувѣдомляетъ, что „тема сочиненія была для него чрезвычайно интересна и онъ работалъ надъ ней съ удовольствіемъ“.—Это подтверждается каждой страницей его тетради. Сочиненіе написано съ увлеченіемъ. Авторъ также говоритъ въ предисловіи: „о Достоевскомъ написана громадная литература, но, собственно, на нашу тему въ этой литературѣ можно найти только отдѣльные намеки“. Однако всѣ отмѣченные авторомъ этапы въ духовномъ развитіи Достоевскаго слишкомъ общеизвѣстны. Г. Бондареву принадлежитъ связанное сцѣпленіе всѣхъ фазисовъ духовной жизни Достоевскаго. Рецензентъ имѣетъ право отмѣтить, что на психологическое объясненіе авторъ смотритъ слишкомъ упрощенно. Такъ и обычно смотрятъ на это. Наблюдается всеобщая любовь къ психологическому объясненію, и чаще всего думаютъ, что указать психологическую причину историческихъ фактовъ или индивидуальнаго развитія—нетрудно. Дѣло однако много сложнѣе. Я приведу слова Зиммеля изъ книги *Соціальная дифференціація*. Зиммель сравниваетъ психологию съ метафизикой. „Объ эти науки — говоритъ онъ—имѣютъ ту особенность, что въ нихъ утвержденія, воплѣ другъ другу противорѣчація, оказываются въ одинаковой степени вѣроятными и доказуемыми“. Такъ обстоитъ дѣло въ метафизикѣ, „то же самое мы видимъ въ психологіи, не тогда, когда связь съ физиологіей еще даетъ ей возможность изолировать и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе точно наблюдать элементарныя чувственныя основы душевной жизни, а тогда, когда вопросъ заключается въ установленіи причинныхъ отношеній между мыслями, чувствами и волевыми актами, всплывающими на поверхность сознанія“. Такъ, мы видимъ, что высшая ступень личнаго счастья является причиной безкорыстнаго дружелюбія, подъ вліяніемъ котораго хочется видѣть другого такимъ же счастливымъ, какимъ чувствуешь самага себя,—но такъ же часто она является и причиной безжалостной гордости, которая дѣлаетъ невозможнымъ пониманіе чужихъ страданій: и то и другое можетъ быть оди-



наково психологически правдоподобно. Подобнымъ же образомъ мы выводимъ съ одинаковой вѣроятностью, что, съ одной стороны, въ разлукѣ извѣстныхъ взаимныя чувства людей растутъ, а съ другой стороны,—ослабѣваютъ; что какъ оптимизмъ, такъ и пессимизмъ являются предпосылкой великихъ нравственныхъ дѣяній... И направленіе причинной связи между психологическими явленіями, подобно содержанию, можетъ быть измѣнено въ обратную сторону, причемъ результаты будутъ вѣрными по прежнему. Одинъ психологъ доказываетъ намъ, что безнравственность есть причина несчастія, такими же вѣскими аргументами, какъ и другой,— что несчастіе есть причина деморализаціи... Однимъ словомъ, ни метафизическія, ни психологическія сужденія не являются единственно вѣрными, но всегда остается возможность противопоставить каждому наблюденію или предположенію противоположное ему“. Эти соображенія г. Бондареву слѣдовало бы имѣть въ виду при своей работѣ. Тогда онъ, можетъ быть, не возлагалъ бы такихъ преувеличенныхъ надеждъ на „строгую хронологическую послѣдовательность“. Можетъ быть, онъ поставилъ бы исходнымъ пунктомъ своей работы не дѣтство Достоевскаго, а его сложившійся характеръ—не для того, чтобы объяснять его душу, а его душою объяснять то, почему такое, а не иное дѣйствіе оказали на него семейныя условія и другія событія жизни, включая сюда и каторгу. Пребываніе въ каторгѣ вызвало у Достоевскаго вѣру и смиреніе, но у другихъ та же самая каторга вызываетъ озлобленіе. На строго хронологическомъ пути можно лишь хромать, а не увѣренно идти впередъ. Такъ авторъ констатируетъ, что Достоевскій былъ въ дѣтствѣ общительнымъ, а въ Инженерномъ Училищѣ ни съ кѣмъ не сходится и „его давить тяжелое одиночество“. Характеръ Достоевскаго уяснился лишь позднѣе.

Степени кандидата богословія г. Бондаревъ заслуживаетъ исполнѣ“.

9) О сочиненіи студента *Введенскаго Александра* на тему: „Религіозно-нравственное и политическое состояніе іудеевъ во времена Маккавеевъ“.

а) Экстраординарнаго профессора *Д. И. Введенскаго*:

„Время Маккавеевъ представляет интереснѣйшій моментъ въ исторіи народа израильскаго, какъ моментъ пробужденія религіознаго и національнаго самосознанія іудеевъ.

При своей характеристикѣ религіозно-нравственнаго и политическаго состоянія іудеевъ времени Маккавеевъ студентъ Введенскій и указываетъ, во введеніи къ своему труду, важность интересующаго его момента.

Самый трудъ студента Введенскаго распадается на три главы. Въ первой изъ нихъ онъ говоритъ объ историческихъ событіяхъ, предшествовавшихъ возстанію Маккавеевъ и обусловившихъ его. Въ частности, онъ указываетъ здѣсь на эллинизацию іудеевъ, противъ которой ничего не имѣла аристократія и которой были недовольны іудеи вѣрные закону. Въ настроеніи послѣднихъ и крылись причины недовольства „противоборствовавшимъ Богу“ Антиохомъ Епифаномъ. Во 2-й главѣ авторъ характеризуетъ дѣятельность Іуды, Иоаназана, Симона и Иоанна Гиркана. Въ 3-й главѣ указывается значеніе маккавейскаго возстанія.

Такъ какъ общій ходъ внѣшней жизни іудеевъ за время Маккавеевъ представляетъ группировку опредѣленныхъ историческихъ переживаній, отмѣченныхъ и въ книгѣ Маккавеевъ и у Іосифа Флавія, то авторъ безъ особаго труда справился съ одною половиною своей задачи. Его характеристика политическаго состоянія іудеевъ за данный періодъ можетъ быть принята безъ особыхъ оговорокъ. Но для автора сложнѣе была, очевидно, вторая задача: характеристика религіозно-нравственнаго состоянія іудейскаго общества. Въ этой части своей работы авторъ, желавшій уяснить отличительныя особенности религіозныхъ переживаній народа за время Маккавеевъ, вращается болѣе въ области общихъ описаній, благодаря чему у него нѣтъ вычурныхъ и опредѣленныхъ рѣшеній по этому вопросу. И Маккавеи и ихъ единомышленники являются у него скорѣе политическими искусными вождями, чѣмъ представителями повышеннаго религіозно-нравственнаго самосознанія. При выясненіи эсхатологіи и мессіанскихъ чаяній іудеевъ за данный періодъ авторъ, повидимому, былъ нѣсколько неувѣренъ въ результатахъ с ихъ изысканій. Во введеніи онъ развиваетъ мысль

что маккавейское возстаніе какъ бы спаяло плотнымъ кольцомъ іудейскій народъ, укрѣпило въ немъ увѣренность въ особенномъ попеченіи о немъ Бога, оттолкнуло ложный эллинизмъ, оживило и усилило эсхатологическія и мессіанскія чаянія. И если во времена великихъ ветхозавѣтныхъ пророковъ эти чаянія были не чужды сынамъ израиля, то, очевидно, по мысли автора, эти чаянія во времена Маккавеевъ должны быть болѣе настойчивыми и опредѣленными. Между тѣмъ, сказавъ во введеніи объ усиленіи мессіанскихъ чаяній, авторъ въ началѣ особаго заключительнаго отдѣла: „ученіе о Мессіи и мессіанскомъ царствѣ“ говоритъ, что въ маккавейскихъ книгахъ „нѣтъ ясныхъ указаній на мессіанскія упованія“. Если же такъ, то этимъ авторъ отрицаетъ противоположное утвержденіе своего введенія (стр. 5 и слѣд.). Но, очевидно, эти два, взаимно противорѣчивыя, сужденія разрѣшаются у нашего автора третьимъ, а именно: „во времена маккавейскія можно найти указанія, даже и въ книгахъ маккавейскихъ, на ожиданія Мессіи, какъ „вѣрнаго“ пророка—ожиданія, можетъ быть, и не сильно выраженныхъ, но во всякомъ случаѣ имѣвшія мѣсто“.

Выясняя „эсхатологию“ и „мессіологию“ (терминологию автора) за разсматриваемый періодъ, авторъ пользуется апокрифическою литературою и, въ частности, книгою Эноха и псалмами Соломона. Справки изъ апокрифической литературы не лишни въ сочиненіи г. Введенскаго, но, привлекая ихъ для обоснованія своихъ сужденій, авторъ долженъ былъ убѣдить читателя въ томъ, что онъ имѣлъ право пользоваться этой литературою, какъ законнымъ источникомъ, т. е. онъ долженъ былъ предпослать общее замѣчаніе о соотношеніи данныхъ его апокрифической литературы временемъ маккавейскимъ.

Но при всѣхъ недочетахъ, въ сочиненіи студента Александра Введенскаго есть и положительная сторона. Не всегда увѣренными шагами онъ все же приходитъ къ правильному рѣшенію вопроса объ „эсхатологій и мессіологій“ временъ маккавейскихъ. Его характеристика героевъ маккавейской войны отличается живостью и читается съ интересомъ. Источники изучены авторомъ въ достаточной степени. Кромѣ Библии, давшей ему матеріалъ для сужденій, онъ хорошо ознакомился съ сочиненіями Іосифа Флавія, съ

святоотеческими твореніями и съ русскою библейско-богословскою литературою, относящеюся къ его вопросу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ пользовался капитальными трудами Schürer'a („Geschichte des jüdischen Volkes“ и „Die Predigt j. Christi in ihrem Verhältn. zum A. Test.“). Языкъ автора литературный. Это положительная сторона работы г. Введенскаго даетъ ему право на получение степени кандидата богословія“.

б) И. д. доцента А. М. Туберовскаго:

„Сочиненіе г. Введенскаго дѣлится на три главы, кромѣ „введенія“ (1—17 стр.). 1-я гл. (18 — 87 стр.) касается внутреннихъ и внѣшнихъ мотивовъ, подготовившихъ „маккавейское возстаніе“, 2-я гл. (88—178 стр.) излагаетъ самую исторію переворота, а 3-я гл. (179 — 262 стр.) говоритъ объ эсхатологически-мессіанскихъ чаяніяхъ и культѣ маккавейскаго періода съ присоединеніемъ небольшого трактата о мученикахъ—Маккавеяхъ.

Написанное на основаніи библейскихъ и апокрифическихъ памятниковъ разсматриваемаго періода, съ помощью русскихъ и нѣмецкихъ пособій, сочиненіе г. Введенскаго является собой вполне соответствующій своему назначенію трактатъ. „Возстаніе“ Маккавеевъ получаетъ въ работѣ г. Введенскаго характеръ ясно мотивированнаго религіозно-національнаго движенія, руководимаго ревнителями закона вопреки намѣренію и дѣйствіямъ измѣнниковъ вѣрѣ и отечеству—эллинистовъ.

Однако, пріятное впечатлѣніе, выносимое отъ содержанія работы, въ нѣкоторой степени портится внѣшней стороною дѣла. Авторъ до того невнимателенъ былъ къ этой сторонѣ сочиненія, что едва ли не на каждой изъ написанныхъ имъ 262 страницъ оставилъ тотъ или другой слѣдъ своей невнимательности. Вся работа, послѣ этого, получаетъ видъ кушанья, правда, очень вкуснаго, но поданнаго на невымытой тарелкѣ.

Вотъ нѣсколько образцовъ авторской разсѣянности—въ области орфографии: „selbstbewusstsein“ (17 стр.), „въ слѣдствіе этого“ (21), „не радя о жертвахъ“ (36), „безпримѣтной чистотѣ“ (72), „поведѣніе“ (76), „призрѣніе“ вмѣсто „презрѣніе“ (79), „неудавшаго“ вм. „не удавшагося“ (90),

„искусно“ (103), „зависливо“ (107), и мн. др., не считая описокъ (какъ „благодаренія“ вм. „благодотворенія“—201 стр., „преисполняя“ вм. „преисподняя“ (248); недописокъ, напр. „ча“(-стью—137, стр.) и т. д.; ошибокъ въ знакахъ препина- нія и переносахъ; искаженія цифръ („4000 пѣхоты“ вм. 40000, „6000“ вм. 60000—на стр. 101 и 103). Изложеніе на стр. 113 столь запутанно, что трудно понять, кто кого побѣдилъ: сирійцы ли іудеевъ или іудеи сирійцевъ. (Нѣчто подобное на стр. 168 и 218—219).

Впрочемъ, отмѣченные внѣшніе недостатки не мѣшаютъ признать трудъ г. Введенскаго интереснымъ, содержатель- нымъ, логически обоснованнымъ, литературно обработаннымъ и, потому, вполне заслуживающимъ автору степень канди- дата богословія“.

10) О сочиненіи студента *Веселовскаго Александра* на тему: „Пасторологическій анализъ русской изящной литературы послѣдняго десятилѣтія“.

а) И. д. доцента *В. П. Виноградова*:

„Высокая цѣнность изящной литературы вообще и отече- ственной въ особенности, въ смыслѣ средства для „пастыр- скаго“ изученія жизни—фактъ общепризнанный въ настоя- щее время, какъ въ нашей русской такъ и въ западной пасторологической наукѣ. Одинъ изъ выдающихся русскихъ пасторологовъ послѣдняго времени (высокопреосвящ. Анто- ній, архіеп. Волынскій) рѣшительно заявляетъ, что изуче- ніе живой человѣческой души по ея отраженіямъ въ худо- жественной литературѣ такъ же необходимо для будущихъ пастырей церкви, какъ для будущихъ врачей изученіе тѣ- леснаго человѣческаго организма по моделямъ и картинамъ (См. Полн. собр. сочиненій т. III, изд. 1911 г. стр. 245). Едва ли можно болѣе удачно характеризовать пасторологическую цѣнность литературы. Но чтобы модели и картины могли служить для *правильнаго* ознакомленія съ дѣйствительностью, нужно умѣть въ нихъ правильно разбираться, нужно умѣть анализировать наличный здѣсь матеріалъ соотвѣтственно тѣмъ или другимъ специальнымъ интересамъ. Сдѣлать по- пытку именно такого анализа русской изящной литературы

последняго времени съ точки зрѣнія интересовъ пастырства и было задачей работы г. Веселовскаго.

Свою задачу пасторологическаго анализа литературы авторъ представляетъ какъ „указаніе въ міросозерцаніи литературныхъ героевъ пробѣловъ, приводящихъ ихъ къ тѣмъ или другимъ нравственнымъ страданіямъ—съ одной стороны, и попытку восполнить эти пробѣлы путемъ положительнаго выясненія неразрѣшенныхъ или неправильно разрѣшенныхъ религіозно-нравственныхъ проблеммъ этого міросозерцанія—съ другой. Въ качествѣ такихъ большихъ проблеммъ современнаго общества авторъ въ 1-й главѣ своей работы (стр. 19—110; размѣръ большого печатнаго листа) констатируетъ въ современной изящной литературѣ проблемы: „противоположность сущаго и должнаго, дѣйствительность и очевидность, господство случая, страхъ жизни и смерти, лжѣ жизни“. Вторая глава (стр. 111—301) посвящена проблеммѣ личности. Въ той и другой главѣ, изложивъ міросозерцаніе литературныхъ героевъ и выяснивъ его неудовлетворительность, авторъ даетъ положительное научно-богословское разрѣшеніе поставленныхъ проблеммъ.

Работа г. Веселовскаго—серьезная, обнаруживающая въ авторѣ несомнѣнную талантливость въ сферѣ философско-теоретическаго анализа явленій и большую начитанность въ критической литературѣ послѣдняго времени. Но, къ сожалѣнію, авторъ понялъ свою задачу слишкомъ односторонне. Задачу пасторологическаго анализа литературы онъ почему-то свелъ къ установкѣ только *міросозерцанія* литературныхъ типовъ, и при томъ только *отрицательныхъ* элементовъ этого міросозерцанія. Благодаря этому работа автора превратилась просто въ трактатъ философско-литературнаго и богословско-апологетическаго свойства. Съ пасторологической точки зрѣнія важно не столько міросозерцаніе, сколько религіозно-нравственная психологія современнаго человѣка, ея разнообразныя видоизмѣненія и изгибы въ зависимости отъ условій современной культурно-общественной жизни. Здѣсь важно констатировать не только отрицательные элементы, противъ которыхъ пастырь долженъ бороться, но и положительные, такъ какъ только послѣдніе даютъ пастырю необходимый опорный пунктъ для воздѣйствія на души въ смыслѣ подавленія въ нихъ отрицательныхъ началъ. Очень досадно.

что авторъ опустил изъ виду эту важнѣйшую сторону дѣла, а опустивъ, почти вовсе лишилъ свою работу характера пасторологическаго анализа; тѣмъ болѣе это досадно, что самъ же авторъ приводитъ длинный рядъ выдержекъ изъ изящной литературы, прямо таки драгоценныхъ съ указанной точки зрѣнія и свидѣтельствующихъ съ очевидностью какой незамѣнимо-драгоценный для пасторологіи религіозно-психологическій матеріалъ заключаетъ въ себѣ современная изящная литература. Авторъ приводитъ эти выдержки, совершенно не догадываясь, что изъ нихъ можно извлечь несравненно болѣе драгоценныя данныя, чѣмъ тѣ, которыя извлекаетъ онъ: когда наблюдаешь это на протяженіи почти всей работы, становится обидно и досадно на автора, не самѣчающаго золотиносной руды подъ ногами.—Слѣдуетъ также поставить въ упрекъ автору, что изъ современной изящной литературы онъ ограничился изученіемъ почти исключительно произведеній Андреева.

Степени кандидата богословія авторъ заслуживаетъ“.

б) Ординарнаго профессора *М. М. Тарьева*:

„Авторъ ограничился изученіемъ одного Леонида Андреева, и по изученію этого писателя онъ исполнилъ только двѣ главы изъ намѣченныхъ имъ шести главъ. Тѣмъ не менѣе сочиненіе его, и по объему обширное (305 страницъ тетради большого формата), даетъ безспорное свидѣтельство о большомъ трудолюбіи его. Авторъ съ увлеченіемъ, при помощи многочисленныхъ пособій, анализируетъ рассказы Андреева. По мнѣнію рецензента, г. Веселовскій значительно могъ бы сократить свой анализъ (и передачу содержанія) рассказовъ Андреева безъ ущерба для основательности своихъ выводовъ. Трудно забыть какъ о крайней популярности этого писателя, дѣлающей излишнимъ столь подробное ознакомленіе читателя съ его рассказами въ „пасторологическомъ“ сочиненіи, такъ и о близости автора къ многочисленнымъ популярнымъ критическимъ работамъ, чуждымъ пасторологическимъ мотивовъ. Въ серединѣ своего сочиненія г. Веселовскій излагаетъ богословскій взглядъ на смыслъ человѣческой жизни, но этотъ отдѣлъ не входитъ въ органическое сочетаніе съ остальнымъ матеріаломъ и представляетъ собою что-то эпизодическое. Для рецензента вообще

остається неяснимъ, почему данный анализъ рѣзкозвѣ Андреева названъ „пасторологическимъ“, а не—напримѣръ—этическимъ, психологическимъ, соціологическимъ. Несомнѣнно однако, что авторъ работалъ мною и степени кандидата богословія заслуживаетъ вполне“.

11) О сочиненіи студента *Веселова Ивана* на тему: „Умственное и религіозно-нравственное состояніе русскаго общества въ царствованіе Александра I“.

а) Ординарнаго профессора *М. М. Богословскаго*:

„Обширное, занимающее 522 страницы большого формата очень убогистаго письма, сочиненіе г. Веселова состоитъ изъ введенія (16—48) и четырехъ главъ. Во введеніи авторъ даетъ общую характеристику XVIII вѣка и въ частности изображаетъ направленіе дѣятельности Екатерины II и прогрессивное движеніе русскаго общества Екатерининской эпохи. Умственное состояніе этого общества въ царствованіе Александра I авторъ изображаетъ въ двухъ главахъ I и II, для которыхъ хронологической гранью служить 1812 г. Первый періодъ александровскаго царствованія,—періодъ радужнаго настроенія и либеральныхъ начинаній. Характеризуя его, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на восторженномъ настроеніи общества при воцареніи Александра I, на характеристикѣ самого Александра, какъ выразителя идей и чувствъ части современнаго ему общества, на работахъ Негласнаго Комитета, даетъ обзоръ дѣятельности правительства въ области просвѣщенія, административныхъ реформъ этого періода, касается положенія крестьянскаго вопроса и слѣдитъ за состояніемъ русской литературы и журналистики. Вторая глава изображаетъ переломъ, пережитый русскимъ обществомъ во время Отечественной войны. Здѣсь авторъ касается переменъ, происшедшей въ самомъ Александрѣ, опять видя въ пережитой имъ переимѣнѣ отображеніе переменъ, испытанныхъ русскимъ обществомъ. Мистическое настроеніе, священный союзъ во внѣшней политикѣ, реакціонная дѣятельность правительства внутри государства, Аракчеевъ, Магницкій и Руничъ—какъ выразители этого направленія—вотъ темы, разрабатываемыя авторомъ во второй главѣ. Третья глава посвящена характеристикѣ ре-



лигіознаго состоянія русскаго общества александровской эпохи. Здѣсь мы находимъ выясненіе причинъ охватившаго общество мистицизма и оцѣнку вліянія этого религіознаго направленія, изображеніе дѣятельности Библейскаго Общества, характеристику масонства. Наконецъ, послѣдняя очень небольшая (504—520 стр.) глава содержитъ попытку изобразить положительныя и отрицательныя черты нравовъ александровскаго общества.

Изъ этого обзора сочиненія видно, какъ богато и интересно его содержаніе. Можно сказать, что не осталось ни одного явленія политической и общественной жизни въ эпоху Александра I, котораго не коснулся бы болѣе или менѣе обстоятельно авторъ. Имъ собрана и изучена внушительная литература по изучаемой эпохѣ. Авторъ обнаруживаетъ солидную эрудицію, какъ въ пособіяхъ по изученію эпохи, такъ въ особенности въ первоисточникахъ. Авторъ является также знатокомъ александровскаго періода русской изящной литературы.

Въ упрекъ автору можно ставить скорѣе излишества, чѣмъ недостатки его труда. Объемъ сочиненія мы считаемъ непомернымъ. Въ значительной степени это нарушение мѣры произошло, на нашъ взглядъ, отъ тѣхъ методовъ изслѣдованія, какихъ держится авторъ. Онъ гораздо болѣе занятъ изложеніемъ, чѣмъ обобщеніемъ и выводами. Многія страницы работы можно было бы замѣнить гораздо болѣе краткими общими характеристиками. Мы не видимъ необходимости, характеризуя умственное состояніе русскаго общества, излагать съ тою подробностью, какъ это сдѣлано, занятія Негласнаго Комитета, описывать виды школь, пересказывать параграфъ за параграфомъ Университетскій уставъ 1804 г., излагать подробно цензурный уставъ, давать детальный рассказъ о преобразованіи сената и министерствъ, на цѣлыхъ семнадцати страницахъ перелагать всѣмъ извѣстный планъ Сперанскаго. Гораздо правильнѣе было бы отмѣчать во всѣхъ этихъ явленіяхъ либо общія черты, общее направленіе, либо, наоборотъ, отмѣчать особенныя индивидуальныя свойства cadaго. Важно, напр., было отмѣтить общее направленіе дѣятельности Негласнаго Комитета и выяснить идеи его членовъ, и совсѣмъ не нужно излагать его работы шагъ за шагомъ. Важно было указать общій духъ университетскаго

устава, но зачѣмъ приводить детали объ организаціи факультетовъ и университетскаго управленія и т. п. При большей продуманности получилось бы больше обобщеній, для изложенія которыхъ потребовался бы меньшій объемъ.

Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ.“

б) И. д. доцента *И. Г. Айвазова*:

„Сочиненіе написано на тему: „Умственное и религіозно-нравственное состояніе русскаго общества въ царствованіе Александра I-го“.

Авторъ потрудился много: собралъ обильный матеріалъ, достаточно изучилъ его. Планъ сочиненія согласованъ съ темою его. Съ особою тщательностью авторъ разработалъ первую половину темы: „Умственное состояніе русскаго общества въ царствованіе Александра I-го,“ на что авторъ отдалъ почти три четверти своего труда. Здѣсь авторъ проявилъ довольно широкое знакомство съ литературою вопроса, умѣнье пользоваться добытыми матеріалами въ отношеніи ихъ систематизаціи. Но здѣсь же обращаетъ на себя вниманіе нѣсколько излишнее увлеченіе автора обрисовкою политическихъ идей изучаемой имъ эпохи и изрядное отсутствіе у него самостоятельности въ оцѣнкѣ этихъ идей. Къ недостаткамъ сочиненія въ этой части надлежитъ отнести и то, что авторъ подъ „Русскимъ обществомъ“ понялъ почти исключительно его верхніе слои, почему лишь изрѣдка, вскользь, касался его среднихъ и низшихъ слоевъ.

На разработку второй половины своей темы, казалось, наиболее важной авторъ отвелъ лишь нѣсколько больше одной четверти своего труда. И здѣсь опять авторъ почти совершенно обошелъ молчаніемъ религіозное состояніе собственно простонародныхъ слоевъ русскаго общества, исключительно рисуя религіозныя вѣянія въ его верхнихъ слояхъ. Между тѣмъ какъ эпоха Александра I-го богата глубокими религіозными исканіями и переживаніями, происходящими въ простомъ русскомъ народѣ.

Указанные недочеты сочиненія, однако, не лишаютъ его права на признаніе достойнымъ балла 5 = (пять съ двумя минусами)“.

12) О сочиненіи студента *Виноградова Павла* на тему: „Пе-

дагогическія воззрѣнія К. Д. Ушинскаго и ихъ отношеніе къ христіанству“.

а) И. д. ординарнаго, заслуженнаго профессора А. П. Шостыгина:

„Послѣ общей характеристики эпохи 60-хъ годовъ въ исторіи русской педагогіи (стр. 1—12) и послѣ краткой *біографіи* Ушинскаго (13—45), гдѣ преимущественное вниманіе обращается на условія, подѣ влияніемъ которыхъ сложилась личность нашего знаменитаго педагога, г. Виноградовъ довольно подробно говоритъ объ *основахъ воспитанія* по Ушинскому—антропологическихъ (48—73), религіозныхъ (73—88) и національныхъ (89—113). Раскрывъ такимъ образомъ существенное основаніе всѣхъ педагогическихъ воззрѣній Ушинскаго, онъ переходитъ далѣе къ болѣе частнымъ его воззрѣніямъ, выясняя послѣдовательно его взгляды на *семейное* воспитаніе (118—124), на *начальную народную* школу (127—160), на школу *общеобразовательную* и на *университетскій* вопросъ (160—184). Наконецъ, охарактеризовавъ въ послѣдней главѣ *религіозныя* воззрѣнія Ушинскаго и уяснивъ ихъ влияніе на воззрѣнія педагогическія, авторъ заключаетъ свой трудъ краткими замѣчаніями о *значеніи* этого педагога въ исторіи русской педагогіи (184—199).

Въ указанныхъ рубрикахъ г. Виноградовъ далъ намъ исчерпывающій обзоръ педагогическихъ мыслей К. Д. Ушинскаго, взявъ ихъ непосредственно изъ его сочиненій, внимательно въ полномъ объемѣ проштудированныхъ, и изложилъ, по большей части, его же подлинными словами. И потому трудъ нашего автора въ большинствѣ страницъ представляется твердо обоснованнымъ, живо изложеннымъ и очень интереснымъ.

Сравнительно болѣе поверхностными и легковѣсными являются въ немъ тѣ немногія страницы, гдѣ авторъ руководился не первоисточниками, а различными пособіями, довѣрившись имъ безъ надлежащей критической провѣрки. Вотъ образчикъ этого. У нѣкоторыхъ нашихъ писателей принято всячески поносить Николаевскія времена. Такъ поступаетъ вслѣдъ за ними и г. Виноградовъ. Характеризуя „суровое, мрачное Николаевское время до половины 50-хъ годовъ:“ „когда цѣлыхъ тридцать лѣтъ горизонтъ былъ заслоненъ

тяжелой свинцовой тучей, нависшей надъ головами. отнѣмавшей воздухъ, свѣтъ и просторъ дыханія, когда тридцать лѣтъ росла жажда мысли и слова въ обществѣ, которому запрещали говорить и хотѣли бы запретить думать иначе, какъ по утвержденному образцу, когда тридцать лѣтъ внушались страхъ, принужденность, рабство мысли,“ авторъ утверждаетъ затѣмъ со словъ г. П. Каптерева, что и русская педагогія обрѣталась въ то время въ крайне жалкомъ положеніи: „были у насъ учителя, школы разныхъ наименованій, было школьное начальство, но все это было казенное. официальное... Постановка образованія была строго принудительная, регламентированная до мелочей государствомъ: учителя по обязанности учили, начальство награждало и наказывало учениковъ, совершались выпуски окончившихъ школьный курсъ,—вотъ и все“ (стр. 1—3. П. Каптеревъ. Новая русская педагогія, стр. 6—7). А черезъ нѣсколько страницъ далѣе нашъ авторъ *документально* опровергаетъ сейчасъ сказанное, выписывая восторженныя строки изъ воспоминаній Ушинскаго о прекрасной Новгородъ—Сѣверской гимназій, гдѣ учился онъ въ 40-хъ годахъ. гдѣ совсѣмъ не было казенщины и принудительной регламентации, и также объ идеальномъ директорѣ ея И. Ѳ. Тимковскомъ, подражать которому считалъ бы за счастье для себя самъ Ушинскій (15—17). Равнымъ образомъ, тѣ же сороковые годы оказываются у автора „едва ли не лучшимъ періодомъ въ исторіи Московскаго Университета“ (24), причемъ онъ утверждаетъ даже, что „юношество, переступая порогъ университета, всецѣло и беззавѣтно отдавалось чистымъ интересамъ науки. съ тѣмъ благороднымъ, возвышеннымъ идеализмомъ, который такъ *выгодно отличаетъ эпоху 40-хъ годовъ отъ всего послѣдующаго времени*“ (26). И не замѣчаетъ нашъ авторъ, что эти послѣднія сообщенія его худо вяжутся со взятымъ на прокатъ огульнымъ порицаніемъ Николаевской эпохи... Столь же необдуманнымъ фразерствомъ представляется и заявленіе автора, что нѣкій *трактиръ* „Великобританія“, гдѣ любили собираться различные студенческіе кружки, получилъ, благодаря Бѣлинскому, значеніе *умственного центра* Московскаго студенчества 40-хъ годовъ“ (28). Трактиръ—„умственный центръ“!.. Только въ насмѣшку, а отнюдь не въ серьезъ можно такъ говорить..

Но справедливость требует сказать, что такихъ странныхъ и мало продуманныхъ фразъ встрѣчается у г. Виноградова немного. Обычно же его сужденія являются научно на первоисточникахъ основанными, въ порядкѣ и литературно изложенными, и въ общемъ производятъ пріятное впечатлѣніе.

Нельзя, наконецъ, не упрекнуть нашего автора и въ нѣкоторомъ разладѣ съ правилами русскаго правописанія. Онъ пишетъ, напр.: „прежняго“ (52, 123, 124, 168, 169), „Днепра“ (109), „имѣлъ ввиду“ (154), „участвуетъ“ (11), „наз—вать“ (17), „соз—даніе“ (100) и т. под.

Для степени кандидата богословія трудъ г. Виноградова и при указанныхъ недосмотрахъ долженъ быть признанъ удовлетворительнымъ“.

б) И. д. доцента священника *И. В. Гумилевскаго*:

„Если для К. Д. Ушинскаго Христосъ— „живой идеаль совершенства“, и всѣ люди стремятся „къ одному и тому же,—къ тому идеалу челоуѣка и челоуѣческой жизни, который намъ изображенъ въ лицѣ Спасителя“ (стр. 82), и дѣло народнаго образованія „должно быть освящено Церковью, а школа должна быть преддверіемъ Церкви“ (стр. 136),—то изложить на основаніи его воззрѣній систему воспитанія, какъ раціональный путь воображенія Христа въ народной жизни, составляло прямую задачу автора. Авторъ уклонился отъ такой задачи и, тѣмъ самымъ, и отъ темы, которая раскрыта внѣ отношенія не только къ христіанству вообще, но, въ частности, и къ К. Д. Ушинскому, какъ къ христіанину, если не считать немногихъ страницъ, изобилующихъ общими мѣстами (стр. 73—88; 184—189): К. Д. Ушинскій выступаетъ предъ нами въ сочиненіи автора, какъ убѣжденный народникъ, критикующій правительственную опеку школы (стр. 139) и проповѣдующій коренную реформу всей системы школьнаго образованія (стр. 161), начиная народной свободной земской школой (стр. 138—140) и кончая свободнымъ университетомъ (стр. 180—183),—и только. Предъ яркостью этого образа блѣднѣютъ общія фразы, по которымъ христіанству отводится первое мѣсто въ народномъ образованіи (стр. 136). Отсюда общій недостатокъ сочиненія: внѣ—богословскій характеръ изслѣдованія.—Планъ

сочиненія не отличается логическою стройностью: почему-то раздѣльно раскрываются заголовки: „Основы воспитанія по Ушинскому“ (гл. II), „Религіозныя основы воспитанія“ (гл. III) и „Національныя основы воспитанія“ (гл. IV), а „Религіозныя воззрѣнія Ушинскаго и ихъ вліяніе на педагогическія“, которыя должны бы были быть всепроникающимъ началомъ послѣднихъ, составляютъ отдѣльную заключительную главу (VIII-ю), неестественно оторванную отъ содержанія третьей главы.

Принимая во вниманіе, что означенные недостатки обусловлены трудностью примиренія въ методѣ воспитанія научныхъ и религіозныхъ началъ, что и отразилось на воззрѣніяхъ Ушинскаго и создало затруднительное для автора положеніе,—трудъ автора, какъ опытъ систематизаціи воззрѣній знаменитаго педагога, логичный и обоснованный въ поглавномъ литературномъ и, мѣстами, художественномъ изложеніи, можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ и заслуживающимъ искомой степени“.

13) О сочиненіи студента *Виноградова Сергья* на тему: „Отношенія между церковью и государствомъ въ Византіи при Македонской династіи“.

а) И. д. доцента *Ө. М. Россейкина*:

„Отношенія между церковью и государствомъ въ Византіи успѣли сложиться задолго до вступленія на тронъ Македонской или, какъ теперь ее называютъ, Армянской династіи. Со времени Юстиніана, который попытался дать и юридическое опредѣленіе этихъ отношеній, послѣднія можно считать установившимися. Тотъ равноправный союзъ независимыхъ, но взаимно поддерживающихъ другъ друга членовъ, о которомъ говоритъ Юстиніанъ, продолжалъ служить идеальной нормой отношеній на всѣ послѣдующіе вѣка. Дѣйствительность, конечно, далеко не совпадала съ идеаломъ, и при разныхъ обстоятельствахъ отношенія колебались, чаще всего уклоняясь въ сторону насилія государства надъ церковью. Помимо государственныхъ интересовъ и личныхъ побужденій правителей, до середины IX вѣка важнымъ мотивомъ къ столкновенію государства и церкви служили религіозныя движенія, въ которыхъ правительство не разъ становилось на сторону неправомыслящихъ и выступало съ репрессіями противъ защитниковъ церковной свободы и право-

славія. Съ окончаніемъ иконоборческой смуты, какъ разъ къ началу эпохи Македонянъ, исчезъ мотивъ религіознаго разномыслія, столь часто нарушавшіи союзъ церкви и государства. Съ другой стороны, при Македонянахъ ромейская имперія достигаетъ своего наивысшаго расцвѣта, внутренняго благосостоянія и международной мощи. Представлялось не безынтереснымъ прослѣдить, какъ протекали отношенія церкви и государства за 190 лѣтъ—отъ Василія I до Михаила VI Стратіотика,—когда государственная власть не имѣла побужденій къ насиліямъ надъ религіозной мыслью и совѣстью церкви, но когда, съ другой стороны, ея могущество вело къ соблазну превратить церковь въ послушное орудіе своей воли и своихъ интересовъ.

Задачу прослѣдить исторію отношеній за 190 лѣтъ и, по возможности, намѣтить ея послѣдовательныя фазы и взявъ на себя г. Виноградовъ. Матеріаломъ могли служить: 1) официальные церковные памятники—акты соборовъ; 2) памятники свѣтскаго законодательства—новеллы императоровъ; 3) византійскіе хронисты и историки; 4) въ отдѣльныхъ случаяхъ—агіологическая литература; 5) не было лишнимъ знакомство съ сочиненіями Константина Багрянороднаго о придворномъ церемоніалѣ.

Сочиненіе г. Виноградова распадается на небольшое введеніе и шесть главъ. Давъ въ введеніи общія опредѣленія понятій церкви и государства и ихъ цѣлей, авторъ посвятилъ первую главу выясненію основнаго принципа отношеній между церковью и государствомъ въ Византіи, для чего предлагаетъ краткій обзоръ этихъ отношеній за время отъ Константина Великаго до Василія I. Отношенія эти г. Виноградовъ представляетъ, по идеѣ, какъ тѣснѣйшій и дружественный союзъ, не уничтожавшій независимости обоихъ членовъ, но обязывавшій ихъ къ взаимопомощи (стр. 21). Не отрицая, что идеальная норма терпѣла въ практической жизни нарушенія, авторъ однако рѣшительно отвергаетъ, опираясь, между прочимъ, на авторитетъ А. П. Лебедева, теорію такъ называемаго византійскаго цезаропализма (22). „Было иногда, что государственная власть оказывалась руководительницей церкви, что императоры вспоминали свое старое право *pontifex'a maximus'a*,—но церковь ни разу не осталась послушнымъ слугою государства, воля свѣтскаго

властителя ни разу не оказалась закономъ для церкви. Констанцій въ теченіе своего тридцатилѣтняго царствованія старался объ утвержденіи аріанства, Θεодосій Младшій подъ конецъ царствованія сталъ на сторону монофизитовъ и дѣйствовалъ въ пользу ихъ, Василискъ энцикликой возобновилъ эту ересь, Ираклій энергично боролся за моноелитство, Левъ Исавръ и Константинъ Копронимъ подняли и вели войну противъ иконъ. Но хотя-бы въ одномъ изъ этихъ случаевъ оказалась-ли церковь въ послушаніи своимъ свѣтскимъ насильникамъ? Нѣтъ. Она не уступила Констанцію, не согласилась съ Θεодосіемъ, не покорилась Василиску, Ираклію и Исаврійцамъ. Итакъ, въ результатъ, такъ сказать, исторіи—подчиненія церкви государству не было. Всѣ-же эти случаи, когда государство пыталось узурпировать права церкви, когда оно хотѣло подчинить ее своей власти.—были фактами нарушенія нормальнаго порядка вещей. и всегда почти за таковыя считались“.

За вводной главой слѣдуютъ пять основныхъ, гдѣ дается послѣдовательный обзоръ отношеній и столкновеній свѣтскаго правительства съ церковнымъ и показывается, что, въ сущности, основной принципъ взаимныхъ отношеній, при извѣстныхъ колебаніяхъ въ сферѣ его практическаго осуществленія, остался неизмѣннымъ. Тѣмъ не менѣе, эти колебанія настолько значительны, что дали автору возможность уловить за эпоху Македонянъ четыре послѣдовательныхъ момента, представляющихся въ слѣдующемъ видѣ.

Первый моментъ — царствованіе Василія Македонянина (гл. 2-я), время дружественнаго союза церкви съ государствомъ и ихъ взаимнаго уваженія. Во второмъ и третьемъ титулахъ Эпанагоги Василія, составленной, несомнѣнно, съ участіемъ Фотія, данъ „идеаль“ желательныхъ отношеній. „Практика“, насколько она отразилась въ фактахъ перваго низложенія Фотія, въ соборѣ 869 г. и вторичномъ поставленіи Фотія въ патриархи, въ общемъ соотвѣтствовала идеалу, хотя Василію и не всегда удавалось удержаться на его высотѣ; въ обстоятельствахъ-же собора 879 г. г. Виноградовъ видитъ „выраженіе полной свободы церкви“ (70).—Второй моментъ — правленіе Льва VI и Романа I, когда государство обнаруживаетъ систематическое стремленіе „стать выше церкви, сдѣлать изъ нея подчиненное себѣ вѣдомство, уничтожить



равноправность въ союзѣ, сохраняя однако общее дружественно-покровительственное отношеніе къ ней“. Моментъ характеризуется у автора для времени Льва VI вторичнымъ низложеніемъ Фотія, поставленіемъ въ патріархи несовершеннолѣтняго Стефана, брата императора, брачными дѣлами послѣдняго, особенно—столкновеніемъ Льва съ патріархомъ Николаемъ Мистикомъ изъ-за четвертаго брака, и наконецъ изданіемъ новеллъ по церковнымъ вопросамъ (гл. 3-я). Цезаропапистическія тенденціи при Романѣ I усмотрѣны въ фактахъ условнаго, на опредѣленный срокъ, назначенія въ патріархи Трифона и особенно въ возведеніи на патріаршую кафедру несовершеннолѣтняго и недостойнаго сына Романа, Теофилакта (гл. 4-я).—Третій моментъ—съ 944 по 1043 г. г., время прекращенія систематической политики возвышенія царства надъ священствомъ, когда патріархи, въ родѣ Полиевкта, имѣютъ возможность и мужество выступать съ открытыми обличеніями противъ императоровъ и когда свѣтская власть, не смотря на настойчивую государственную необходимость ограничить привилегіи и имущества церкви и монастырей, вынуждена, въ концѣ концовъ, отступить предъ протестами церкви (гл. 5-я).—Наконецъ, четвертый моментъ—патріаршество Керуларія, характеризующееся обратной цезаропапизму тенденціей, „папистической“ тенденціей Керуларія подчинить себѣ, какъ патріарху, и государственную власть (гл. 6-я).

Для обрисовки четырехъ намѣченныхъ моментовъ г. Виноградовъ и пересмотрѣлъ доступную ему часть документовъ, переходя отъ одного императора къ другому и стараясь не опустить ни одной, даже мелкой черты, годной для характеристики интересующей его группы явленій. Выводъ, къ которому онъ пришелъ, подтверждаетъ сказанное имъ въ вводной главѣ. „Царствованіе Македонской династіи началось удаленіемъ патріарха съ кафедры по желанію царя, а окончилось сверженіемъ императора съ престола по волѣ патріарха. Въ исторіи отношенія между церковью и государствомъ за 190-лѣтній періодъ правленія въ Византіи славной династіи Македонянъ не произошло какихъ-нибудь существенныхъ, сравнительно съ прежними временами, перемѣн“, и дружественный союзъ церкви и государства сохранилъ свою силу (213).

Таково содержание сочинения г. Виноградова.—При его оцѣнкѣ достаточно обратить вниманіе на отношеніе автора къ источникамъ и литературѣ вопроса, на предложенную имъ схему и на методъ заполнения послѣдней.

Уже изъ приложеннаго къ сочиненію перечня источниковъ видно, что отношеніе къ нимъ г. Виноградова, съ количественной стороны, сужено. Авторъ воздержался отъ непосредственнаго ознакомленія съ цѣлымъ рядомъ памятниковъ, каковы акты к-польскихъ соборовъ 869 и 879 г. г., агиологическая литература и сочиненія Константина Порфиророднаго, излагая содержащійся въ нихъ матеріаль по готовымъ изслѣдованіямъ и не всегда въ полномъ объемѣ. Его главное вниманіе сосредоточено на византійскихъ хроникахъ и императорскомъ законодательствѣ. Трудно, конечно, требовать, чтобы за годъ студенческой работы былъ самостоятельно пересмотрѣнъ весь пригодный матеріаль. Но тогда не нужно и жаловаться на скудность византійскихъ хроникъ (стр. 25): матеріаль можно находить и помимо ихъ. Автору не безызвѣстно, какимъ содержательнымъ оказалось житіе Евемія. Ничто не препятствовало, при желаніи и большемъ запасѣ времени, заглянуть и въ другія житія, хотя-бы Аѳанасія Аѳонскаго, Фотія Фессалійскаго, и поискать другихъ. Можно было привлечь *Donatio Constantini* и не дѣлать пропусковъ при обзорѣ новеллъ. Авторъ опустилъ напр. 88-ю новеллу Льва Мудраго, а ее слѣдовало не только упомянуть, но и заглянуть при этомъ въ книгу Пихлера, чтобы провѣрить послѣдняго.

Что касается качественной стороны отношенія къ источникамъ, главнымъ образомъ къ хронистамъ, то въ общемъ оно удовлетворительно. Вооруженный книгой Гирша, авторъ болѣе или менѣе разобрался въ довольно запутанныхъ отношеніяхъ между хрониками, хотя и здѣсь не безупреченъ. Кажется, онъ не отличаетъ отъ Георгія Амартола его продолжателя (39), не знаетъ, что хронологія Псевдо-Симеона ненадежна (103), не оговариваетъ, что Кедринъ—компиляторъ. Біографію Василія Македонянина, составленную Константиномъ Порфиророднымъ, авторъ считаетъ „прекраснѣйшимъ источникомъ“ (25). Источникъ, правда, хорошъ по обстоятельности; но въ смыслѣ безпристрастія оставляетъ желать многого, такъ какъ всѣ усилія внука направлены

къ оправданію даже несомнѣнныхъ преступленій и воехваленію дѣда—основателя династіи. Упустивъ изъ вниманія эту тенденцію біографіи, авторъ однако цѣликомъ заимствуетъ изъ нея оцѣнку отношеній Василія къ церкви, насколько они сказались въ дѣлѣ Фотія и Игнатія (48); а какъ разъ въ этомъ пунктѣ освѣщеніе Порфирогенита сомнительно. Кажется, промахи съ хрониками въ значительной мѣрѣ объясняются тѣмъ, что г. Виноградовъ не предпослалъ своему сочиненію обзора источниковъ. Можно, конечно, обойтись и безъ такого обзора; но тогда требуется, чтобы въ каждомъ пунктѣ работы отражалось хорошо продуманное и вполне опредѣленное отношеніе къ каждому источнику.

Литературу темы г. Виноградовъ собралъ достаточно полно. Но онъ не знаетъ французскаго языка, и потому ему остались недоступными книги Gasquet, Vogt'a, Schlumberger, Kambaud. „Византійскіе портреты“ Шарля Диля авторъ могъ читать по русски, но ихъ не читалъ. Было-бы полезно обратиться вниманіе на недавно переведенную статью Бѣри, гдѣ англійскій ученый, говоря объ абсолютизмѣ власти византійскаго василевса, отмѣчаетъ факторы, ограничивавшіе этотъ абсолютизмъ, и между прочимъ указываетъ на силу общественнаго мнѣнія. Ссылка на общественное мнѣніе, которымъ въ Византіи въ первую очередь руководила церковь, для цѣлей г. Виноградова очень многозначительна, и онъ долженъ былъ ее использовать.—Не понятно, почему авторъ въ свой списокъ пособій не внесъ переводныхъ курсовъ по исторіи Византіи, которые въ рукахъ у него были.

Переходя къ схемѣ четырехъ моментовъ въ исторіи отношеній государства и церкви при Македонской династіи, нужно признать эту схему приѣмлемой. Намѣтивъ ее, г. Виноградовъ совершенно правильно поспѣшилъ оговориться, что всякія дѣленія и общія характеристики въ исторіи бываютъ лишь приблизительны (25). Но мы должны усилить эту оговорку и признать, что даже въ смягченномъ видѣ предложенная схема нуждается въ дальнѣйшихъ поправкахъ. Достаточно обратить вниманіе на отдѣлы, гдѣ излагается исторія Василія I, Льва Мудраго и Романа Лекапена. По автору, Василій не проявилъ деспотизма въ своихъ отношеніяхъ къ церкви и, если удалилъ Фотія, то сдѣлалъ это —г. Виноградовъ всецѣло раздѣляетъ взглядъ Константина

Порфиророднаго—прежде всего по чувству справедливости. Вѣрнѣе думать, что въ критическую минуту дворцоваго переворота 23 сент. 867 г. Василій думалъ не о справедливости, а о своихъ интересахъ, и въ его поступкѣ съ Фотіемъ гораздо болѣе насилія изъ политическаго расчета, чѣмъ высокихъ моральныхъ мотивовъ. Наоборотъ, Левъ VI меньше деспотъ, чѣмъ думаетъ г. Виноградовъ. Главное обвиненіе, предъявляемое Льву въ этомъ смыслѣ, имѣетъ въ виду его четвертый бракъ и обусловленную имъ борьбу съ Николаемъ Мистикомъ. Однако существуютъ правовыя идеи, съ точки зрѣнія которыхъ Левъ, издавшій законъ противъ четвертаго брака и самъ вступившій въ него, можетъ быть въ извѣстной мѣрѣ оправданъ. „Можно поддерживать въ силѣ общее правило и въ то-же время допустить исключеніе изъ него, или, наоборотъ, можно допустить въ данномъ случаѣ отступленіе отъ общей нормы, не колебля самой нормы“ (проф. Суворовъ). Если такъ, то значительную долю вины съ Льва придется снять, и цезаропапистическая черта его правленія еще болѣе смягчится. Что касается Романа, то въ его исторіи извѣстенъ—о чемъ г. Виноградовъ не вполне кстати сожалѣетъ (139)—лишь одинъ фактъ „цезаропапистическаго характера“,—возведеніе на патріаршую кафедру его сына Теофилакта. Такъ какъ извѣстно благочестіе Романа и его уваженіе къ монахамъ, то одного факта недостаточно, чтобы усмотрѣть въ Романѣ идейнаго представителя системы цезаропапизма (ср. 139 и 145).—Здѣсь-же умѣстно отмѣтить, что четвертый моментъ, правленіе Керуларія, по недостатку времени, лишь бѣгло очерченъ авторомъ по книгѣ Суворова.

Остается сказать, какъ г. Виноградовъ заполняетъ свою схему. Въ этомъ отношеніи его работа носитъ лѣтописный характеръ. Авторъ переходитъ отъ одного царствованія къ другому, наряду съ крупными фактами отмѣчая и мелкіе, иногда ихъ переоцѣнивая въ своихъ цѣляхъ (126) и стараясь сказать что-нибудь о каждомъ правителѣ, хотя по временамъ и сказать о немъ нечего (194). Изложеніе, несомнѣнно, выиграло-бы, если-бы г. Виноградовъ сосредоточилъ больше вниманія на обрисовкѣ и характеристикѣ каждаго изъ четырехъ моментовъ и меньше на отдѣльных правителяхъ. Не трудно догадаться, откуда въ сочиненіи

заимствовать летописный методъ: авторъ остался подъ впечатлѣніемъ изучаемыхъ имъ хроникъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что онъ старается всюду относиться къ показаніямъ хронистовъ критически.

Противъ вывода, къ которому пришелъ въ концѣ своего сочиненія г. Виноградовъ, спорить не приходится. Но въ своемъ заключеніи ему слѣдовало-бы посчитаться съ взглядомъ такого ученаго, какъ Гельцеръ. Изъ извѣстной статьи послѣдняго слѣдуетъ выводъ, что свобода церкви въ Византіи исчезла какъ разъ съ вступленіемъ на престолъ Македонской династіи, что Теодора Студита можно считать послѣднимъ борцомъ за свободу церкви, и послѣ него идетъ почти безпроевѣтное рабство церкви государству. Г. Виноградовъ могъ сознательно противопоставить свой взглядъ выводамъ Гельцера и при этомъ использовать одну очень существенную оговорку послѣдняго (S. 241—242), въ значительной мѣрѣ ослабляющую его выводъ. Этого г. Виноградовъ не сдѣлалъ.

Изъ второстепенныхъ недочетовъ и недосмотровъ работы нашего автора можно отмѣтить слѣдующіе. Встрѣчаются въ сочиненіи противорѣчія, напр.,—а) въ оцѣнкѣ отношенія византійскаго общества къ Фотію: то общество должно одобрять его низложеніе Василиемъ, какъ актъ справедливости, то оно всецѣло на сторонѣ Фотія и церковь оказывается фотіанскою, а не игнатіанскою (66—67; ср. 50); б) въ объясненіи отношенія Льва Мудраго къ своему отцу (85—86); в) въ замѣчаніяхъ объ иконоборчествѣ (17).—Политическую сторону событій не было нужды воспроизводить по хроникамъ (136—138); лучше было воспользоваться готовыми хорошими обзорами, такъ какъ однихъ хронистовъ для этой цѣли все равно недостаточно. Не слѣдовало-бы при этомъ обходить яркихъ характеристикъ Шарля Дилля: онѣ оживили-бы изложеніе.—Мѣстами внесены изъ хроникъ совершенно излишніе рассказы, которые можно безъ ущерба для дѣла опустить (27; 29); не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу и исторія возвышенія Василія Македонянина.—Авторъ очень часто обращается къ хроникѣ Кедрина и, кажется, не только потому, что она обстоятельна, но и потому, что она имѣется въ славянскомъ переводѣ. Цитировать этотъ переводъ, не всегда точный, не было никакой нужды, и съ усиліемъ

можно было замѣнить его перифразомъ.—Безъ оговорокъ вѣрить Гергенретеру на слово (63; 72), хотя по отношенію къ этому ученому, какъ-бы ни былъ онъ авторитетенъ, необходимо различать, когда онъ излагаетъ факты и когда онъ ихъ оцѣниваетъ.—Эпоху Македонянь, наполненную громомъ болгарскихъ войнъ, войнъ съ арабами и Арменией, ужь никакъ нельзя назвать временемъ политическаго затишья средневѣковой Византіи (1).—Войны Василія I съ павликіанами не были лишъ дѣломъ религіозной миссіи, но вызывались въ первую очередь политическимъ мотивомъ.—Новелла Юстина II помѣчена 556 г., вмѣсто 566 (72).—Нѣтъ у автора раздѣльности, отчетливости въ изложеніи к—польскихъ событій 1054 г.,—вѣроятно, потому, что эта глава имъ не обработана (205).—Встрѣчаются неточности (29; 47; 204), неудачныя выраженія (61; 75; 96), не вполне обоснованныя заключенія (187), сомнительныя утвержденія (106), мало говорящія аналогіи (24); опредѣленія церкви и государства, столь важныя для автора, хотя и заимствованы изъ авторитетныхъ рукъ, но не могутъ быть признаны отчетливыми (2—3). Авторъ пишетъ „Ѳеофана“ вмѣсто „Ѳеофано“; „Ѳеофиль“ вм. „Ѳеофилица“ (26), „римскій“ вм. „ромейскій“ (25); византійскіе чиновные термины лучше оставлять безъ перевода (196).—Стиль автора не можетъ быть признанъ обработаннымъ (стр. 39), а ошибки переписчика, не исправленныя за недостаткомъ времени, испещряютъ все сочиненіе.

Особаго упоминанія заслуживаютъ переводы г. Виноградова. Нашъ авторъ пребываетъ въ жестокомъ заблужденіи, полагая, что буквальность перевода и есть его точность, тогда какъ буквальность можетъ въ результатѣ дать чистую бѣзсмыслицу. Въ переводахъ съ нѣмецкаго онъ удерживаетъ почти нѣмецкую конструкцію (44), съ греческаго—запутанную византійскую (28; 36; 38; 43; 48; 74; 114). Невразумительныя и неуклюжіе, такіе переводы заставляютъ поморщиться, а можетъ быть, и разсердить филолога и, уже конечно, разсмѣшать даже неприхотливаго стилиста. Иногда переводъ неточенъ (35), даже невѣренъ (119).

Было-бы однако несправедливо думать, что перечисленные недостатки работы г. Виноградова вполне обезцѣниваютъ его трудъ. Правда, источники не использованы сполна

но авторъ стоитъ въ непосредственномъ знакомствѣ со многими изъ нихъ. Литература не исчерпана; но достаточно и того, что привлечено къ дѣлу. Схема автора не незыблема; но она принадлежитъ лично ему, а не взята у другихъ. Даже лѣтописный характеръ построенія работы и его черезчуръ буквальные переводы объясняются желаніемъ быть добросовѣстнымъ и точнымъ въ работѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что онъ имѣлъ дѣло съ греческими источниками, заниматься которыми охотниковъ не такъ много.

Все сказанное даетъ г. Виноградову право на получение степени кандидата богословія“.

б) Инспектора Академіи, экстраординарнаго профессора *архимандрита Анатолія*:

„Сочиненіе студента Виноградова С. достаточно полно обнимаетъ свой предметъ. Къ сожалѣнію со стороны внѣшней сочиненіе производитъ впечатлѣніе черновика или простого собранія матеріаловъ для сочиненія: выписокъ изъ источниковъ,—главнымъ образомъ, хроникъ,—изъ пособій,—далѣе пересказа ихъ содержанія и собственныхъ авторскихъ замѣчаній, разсѣянныхъ по всему пространству сочиненія. По этому черновику не прошла редакторская рука автора. Неуклюжія и неправильныя выраженія, буквалистическій и порой архаистическій переводъ источника, нѣкоторые матеріальные пропуски—вотъ недочеты сочиненія, которые бросаются въ глаза читателю. Странно, напр., то, что авторъ, говоря въ начальныхъ главахъ своей работы о миссіонерскихъ заботахъ византійскаго правительства и церкви, какъ доказательствѣ союза этихъ силъ, ничего рѣшительно не упоминаетъ о крещеніи Руси и организаціи русской церкви, событіяхъ чрезвычайной важности для насъ, приходящихся какъ разъ на описываемый авторомъ періодъ. Дѣленіе автора всего этого періода на отдѣльныя фазы—нѣсколько искусственное, что, думается, признаетъ и авторъ, если еще разъ прочтетъ свой трудъ. Выводъ автора изъ своего изслѣдованія довольно скромный: „въ исторіи отношенія между церковью и государствомъ за 190-лѣтній періодъ правленія въ Византіи славной династіи Македонянъ не произошло какихъ-нибудь существенныхъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, переменъ“. Но труда положено на то, чтобы

прийти къ этому выводу, много. Авторъ добылъ много фактовъ, пробовалъ ихъ осмыслить и распредѣлить, результатомъ каковыхъ усилій является его схема; онъ изучилъ далѣе всю доступную ему литературу на русскомъ и частью на нѣмецкомъ языкѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ отдѣлъ его примѣчаній, и, какъ начинающій работникъ въ области церковно-исторической науки, заслуживаетъ степени кандидата богословія“.

14) О сочиненіи студента священника *Вышеслава Михаила* на тему: „Книга Премудрости Иисуса сына Сирахова. Предварительныя свѣдѣнія и систематическое изложеніе содержанія, съ экзегетическими экскурсами“.

а) Экстраординарнаго профессора священника *Д. В. Рождественскаго*:

„Сочиненіе о. Вышеслава представлено въ незаконченномъ видѣ. Темой требовалось дать изложеніе содержанія изслѣдуемой книги, съ привосокупленіемъ экзегетическихъ экскурсовъ. Послѣдніе совершенно отсутствуютъ. Авторъ пытается убѣдить рецензентовъ въ томъ, что отсутствіе ихъ небольшая бѣда; такъ какъ экзегетическіе экскурсы представляли бы работу механическую, а во-вторыхъ—здѣсь ему пришлось бы повторять то, что было сказано профессоромъ протоіереемъ Рождественскимъ въ его изслѣдованіи о Книгѣ Премудрости Иисуса сына Сирахова (С.-Петербургъ, 1911 г.). Ни то, ни другое соображеніе нимало не оправдываетъ автора. Скорѣе систематическое изложеніе содержанія можно назвать работою механическою, а при пользованіи трудомъ профессора Рождественскаго авторъ могъ бы обнаружить и свою самостоятельность. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что о. Вышеславовъ несовсѣмъ игнорировалъ указанное требованіе темы. Въ его сочиненіи встрѣчаемъ большое число ссылокъ на примѣчанія, хотя самыя примѣчанія отсутствуютъ: очевидно, у него не достало времени для окончательной ихъ обработки или для переписки. Автору нужно было бы избрать пять-десять болѣе или менѣе обширныхъ отдѣловъ или отдѣльныхъ выраженій, требующихъ обстоятельныхъ разъясненій (напр., 1, 4; 17, 25; гл. 24 и др.), и обратить на нихъ особое вниманіе, отклоняясь на время отъ систематическаго изложенія содержанія избранной книги.